

Ефим Фёдорович Грекулов Нравы русского духовенства

С.Е. Грекулов. Нравы русского дворянства.

Предисловие Александра Невзорова

Разумеется, блуд, пьянство, злоба, педофилия, гомосексуализм, обжорство и воровство есть везде, где есть люди. Не следует думать, что эти качества присущи только православному духовенству. Отнюдь. Это в высшей степени распространённые человеческие особенности и свойства. И данный академический труд Е. Грекулова, целиком основанный на документальных исторических свидетельствах, не пытается изобразить жрецов православия как средоточие зла и разврата.

Грекулов бесстрастно и академично фиксирует те «следы», что оставили представители духовенства в «документальной» памяти России.

Эти свидетельства тем более ценны, что созданы не некими «хулителями и врагами веры», а теми, кто вместе с «героями» этих документов жил в т.н. православном мире, исповедовал те же убеждения, исполнял те же обряды.

Притом что духовенство всегда тщательно поддерживало о себе «елейные мифы» (имея огромные цензурные возможности), реалистичные, лишённые идеологического и елейного грима документы представляют огромную ценность для понимания истории русской церкви.

Утверждения о былой «святости» духовенства, о некой исходящей от него «позитивной воспитательной силе», которая формировала и «объединяла» русский народ, легко опровергаются бесстрашием и простотой этих документов.

Мы видим реальное лицо православного священства.

Благодаря Грекулову и его труду очень многое встаёт на свои места.

В частности, становится понятен известный диссонанс: народные былины, притчи, песни, стихи традиционно изображают «попа» жадным, развратным и очень глупым существом, основным занятием которого является безделье, лицемерие и поборы, а церковные источники предлагают нам некий елейный образ того же «попа», но чрезвычайно просветлённый и очень уважаемый народом.

Огромный разрыв меж церковной декларацией и реальной оценкой качества русского

духовенства был подмечен и практически всей русской литературой, которая всё же доверилась народному ощущению, а не церковной пропаганде.

Надо отметить, что труд Грекулова на удивление академичен, т.е. лишён агрессивности и идеологического задора.

Безусловная достоверность документов свидетельствует, что даже предельная близость к «тайнам», «причастию», «благодати» и т.н. богу – не меняет и не улучшает человека. Он остаётся точно таким же, как и все прочие люди, таким же лживым и жестоким, таким же развратным и жадным. Никакого «чуда» не происходит. Вернее, не происходит того главного «чуда», которое декларирует религия, – «чуда улучшения человека».

Даже причины революции 1917 года и то становятся чуть понятнее, так как предельно ясно становится подлинная природа «народных воспитателей в рясах».

Результатом целых столетий их неограниченного педагогирования – стали озверелые толпы, моря крови и демонстрация феноменального умения людей ненавидеть друг друга и свою страну.

А ведь все (без исключения) творцы революции – и рядовые, и руководящие – были воспитаны в церковных идеалах, которые до 1906 года были строго обязательными для всех. Это были «крещёные люди», изучавшие в гимназии «закон божий», регулярно причащавшиеся (по крайней мере, в детстве) и пр., пр.

Очень доброкачественная и честная, книга Е. Грекулова позволяет не только убедиться в том, что «древняя и старая святость» – это фальшивый миф, но и в том, насколько права и честна была та народная традиция, что всегда живописала «попа» вруном, развратником и елейным лицемером.

***

Ефим Фёдорович Грекулов (1893–1979) – выдающийся советский историк-религиовед.

Данный труд Е. Грекулова печатается с сохранением всех особенностей стиля автора и характерных примет научных исследований тридцатых годов двадцатого века.

СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО ДУХОВЕНСТВА	3
ЦЕРКОВЬ – НОСИТЕЛЬНИЦА КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ	10
«БЕЗМЕРНОЕ УПИВАНИЕ»	15
«БЛУДНОЕ ОБЪЯДЕНИЕ»	25
«ПЛОТСКОЕ ПОХОТЕНИЕ»	29
«СОДОМСКАЯ ПАГУБА»	31
«ОСОБЫЕ СТЯЖАНИЯ»	34
РОСТОВЩИКИ ОТ ДУХОВЕНСТВА	39
НРАВЫ ДУХОВЕНСТВА В XVIII ВЕКЕ	41
ЛИТЕРАТУРА	45

Состав древнерусского духовенства

В эпоху феодального строя московского государства церковь была крупным помещиком-феодалом и обладала значительным экономическим и политическим могуществом. Имея в своем распоряжении весьма крупные земельные богатства, обладая большими капиталами, – церковь, как говорит историк Ключевский, «держала в своих руках нити государства» и играла выдающуюся роль в общественной и политической жизни страны. Ведя крупное капиталистическое хозяйство, будучи сама проникнута эксплуататорскими стремлениями, церковь и в своей политике поддерживала интересы господствующих классов.

Союз церкви с господствующими классами, основанный прежде всего на родственных капиталистических интересах, был необходим ещё потому, что материальные интересы церкви требовали поддержки со стороны господствующих классов. Конечно, не всегда отношения между церковью и государством были одинаково хороши; когда затрагивались имущественные интересы церкви, последняя вступала с государством в борьбу: припомним длительную и ожесточённую борьбу на почве попыток отнять у церкви недвижимую собственность, лишить её экономической независимости. Но церковь отлично сознавала свою зависимость от господствующих классов, в особенности с того момента, когда с развитием торгово-промышленного класса она стала находиться в ещё большем от них подчинении. Поэтому церковь проводила в своей деятельности ту политику, которая была выгодна прежде всего господствующим классам – помещикам и капиталистам.

Защищая интересы господствующих классов, опутывая, в угоду им, широкие массы населения, – церковь требовала вместе с тем от государства платы за свою работу. И государство, признавая заслуги духовенства, щедро его оплачивало...

В эпоху т.н. татарского ига – церковь продавала свои услуги татарам, возносила за них моления и убеждала народ покоряться татарам; за это она получала от благодарных захватчиков ярлыки на свои владения и другие льготы экономического характера.

Служа крупной феодальной аристократии, а затем появившимся на смену ей дворянству и торгово-промышленной буржуазии, церковь также получала за свой труд различные привилегии имущественного характера.

Церковное общество, в особенности в период XIV–XVII веков, представляет из себя мощную организацию, обладавшую значительными материальными средствами и имевшую вместе с тем большую политическую власть. Богатая и сытая жизнь, довольство и покой, экономическая сила и политическое значение – вот чем характеризуется церковь в этот период.

Ряды духовенства поэтому пополнялись прежде всего теми, кто искал «льготы себе и чести», кто стремился к обеспеченной жизни «покоя ради телесного», кто шёл в монастырь «нищеты ради». Для этой массы посвящаемых и постригаемых основной причиной «посвящения себя богу» являлось стремление к обеспеченной жизни и неспособность к общественно-полезному труду.

Это устремление на священнические места совершалось тем легче, что церковная организация испытывала большой спрос на священников, ремесло это становилось выгодным и прибыльным делом.

Наплыв на священнические места как на места лёгкого заработка заставляет летописца отметить: «Церквей много наставлено, а попы не хотяще рукоделия, но всякой в попы тем ся и кормяху и последоваху плотским похотем, зане бо не богу служить изволиша, но лготу телу своему».

Взгляд на священников как на лиц, занимавшихся своей профессией прежде всего в своих материальных интересах, укоренился в древнерусском обществе довольно рано и нашёл себе отчётливое выражение в многочисленных памятниках древнерусской литературы.

Так, в слове неизвестного автора XIV века мы встречаем следующую уничтожающую характеристику древнерусского духовенства: «Каждый держит иерейство, чтобы тем кормиться, а не заботиться о духовных делах, чтобы приять мзду вечного живота: не преподаст правого учения во спасение, а больше снисходит, льстит и из-за дара прощает без епитимии; все и делает и говорит ради чрева, чтобы не лишиться временной чести»¹.

Иностранец Флетчер² приводит свой разговор с Вологодским епископом, который на вопрос его, зачем он постригся в монахи, откровенно признался: «Чтобы есть хлеб в покое».

В результате такого подбора «служителей божиих» даже высшее духовенство – епископы, как говорит митрополит Даниил, «только себе... упасоша, и расшириша чревы свои брашны и пьянствы... и вся дела пастырская презреша, и нимало не попекошася исцелити овца, но точию на славу и честь... и на восприятие мзды уклонишася»³.

Подобную же оценку духовенству в его стремлении к сытой и покойной жизни даёт и Стоглавый собор, в следующих словах характеризующий духовенство: «Некоторые... теперь стригутся ради покоя телесного, чтобы всегда бражничать и ездить по селам для прохлады. Чернцы и черницы по миру волочатся и живут в миру, не зная, что такое монастырь. Старец поставит в лесу келью или церковь срубит, да идет по миру с иконою просить на сооружение, а у царя земли и руги просит... А архимандриты и игумены добываются сана деньгами, лишь бы получить власть; службы же церковные не знают, и монастыря они даже не знают и покоят себя в келье с гостями: да племянников своих содержат в монастыре и удовлетворяют их всем монастырским, а монастыри опустошают, и вкладчиков изгоняют, так что братия обеднела, страдает голодом и жаждою и томится всякими нуждами; потому что богатство всё перешло к властям, а они его истощили вместе со своими родственниками».

Это стремление к священству «покоя ради телесного» увеличивалось в значительных размерах во время различных междоусобиц, войн и нестроений, когда пострижение в монастырь служило част. гарантией сохранения имущества, которое поступало в этом случае, как вклад, в монастырь...

Освобождение священников от зависимости и тягостей необеспеченной жизни также вызывало значительную тягу в ряды духовенства тех, кто шёл «нищеты ради»; наконец, духовенство принимало в свои ряды и просто преступников, укрывавшихся за священническим саном от наказания за совершённые преступления⁴.

В результате такого отношения к священству как к способу улучшить своё положение за счёт эксплуатации народных масс, основное ядро духовенства подобралось такое, что давало возможность говорить современникам: «*Полон мир попов, да делателей мало*» .

Еще в XI в., говоря о монастыре св. Дмитрия, летописец отмечает: «Мнози монастыри от князь и от бояр и от богатства поставлены, но не суть тащи, кащи суть слезами, пощением, молитвами, бдением»⁵.

А митрополит Даниил, говоря о своих современниках, даёт следующую характеристику их «пастырской» деятельности: «Мы презираем и небрежем о пастве нашей, и колика погибает душ человеческих от лености и небрежения нашего».

---

¹ Митр. Макарий. История русской церкви.

² В своём сочинении «О государстве русском или образе правления русского царя», изданном впервые в Лондоне в 1591 году, Флетчер описывает подробно своё путешествие по России и даёт описание разных сторон государственного устройства и общественной жизни Московского государства.

³ Жмакин, митр. Даниил, стр. 306.

⁴ Житие Пафнутия Боровского.

⁵ П.С.Л. 69.

Если таково было русское духовенство в общей своей массе, то недостатки его особенно заметны были в высшем духовенстве. Оно смотрело на свои должности как на доходные места, которые должны были вознаградить их за неизбежные временные лишения до достижения высших иерархических степеней. Духовенство меньше всего стремилось к высшим должностям для того, чтобы «наставлять иных ко спасению», оно думало лишь о том, чтобы самим «в отраде и славе и всяком покое всегда жить»⁶.

Достигнув различными путями, а особенно «дарами сребра», высших церковных должностей, эти представители духовенства не упускали случая вознаградить себя за своё временное «смирение» и приобретали «стяжания всякие и стада скотские и всякие сладкие пищи»⁷.

«Докупившись власти», высшее духовенство предавалось «упиванию» безмерному и жило «во всяком бесчинии»⁸.

В своём продвижении по церковной иерархической лестнице духовенство пользовалось двумя орудиями – подкупом и лестью. Подкуп при поставлении не считался даже преступлением.

По свидетельству Максима Грека русское духовенство «тщалось взыти на некий сан церковный, не точию лицемерствующе житие благовейно и дружбы составляюще с сущими во властех, и всяким образом угождающе им и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще им, оважа и обещаще, аще довершат искомое и жалаемое»⁹.

В другом месте, говоря об игуменах, помогающихся власти «дарами сребра», Максим Грек клеймит их как «бесчинников житием, в пьянстве всегда и пищи всякой упражняющейся сами, а сущии под рукою их братья презираемы телесне и небрегоми духовые скитаются, якоже овцы, не имуще пастыря»¹⁰.

Также Иоанн Грозный, в своём послании в Кириллов монастырь, отмечает отрицательные явления при избрании игумена: «Умершу бокоему игумену, или иконому, мнози из них (монахов) встанут, на месте его тщашеся прияти (и се таяще один от другого, а всем ведомо сердце) овии мздами, неимущие же ласками, яко змия, яд хотяще излити на испренних? Что же се? Яве, яко имения ради»¹¹.

Симония, т. е. поставление на духовные должности за деньги, достигло таких значительных размеров, что уже в XIII веке Владимирский собор 1274 года пытался «упорядочить» торговлю церковными местами, ограничив плату за места небольшими суммами.

Это постановление Владимирского собора успеха, однако, не имело, и симония продолжала процветать в течение ряда столетий.

Поставление священников по мзде ставилось в вину русскому духовенству уже при возникновении первых «ересей». Московские «еретики» обосновали свой отказ от таинства причащения тем, что «ино деи у кого причащаются, так как и попы ставятся по мзде, и митрополит ставит владык по мзде»¹².

Торговля церковными должностями приняла столь значительные размеры и

---

⁶ Соч. М. Грека, 1. стр. 140.

⁷ Соч. М. Грека, стр. 230.

⁸ Стоглав, 5 вопр. 7.

⁹ Макс. Грек, сочин. II, 127.

¹⁰ Соч. III, 187.

¹¹ А.И. I №204.

¹² См. Мак., Ист. Рус. Церкви VI, стр. 117 – 118.

производилась так беззастенчиво, что уже собор 1503 года вынужден был внести специальное постановление, которое ограничивало право торговли церковными должностями: «Впредь нам святителям, мне митрополиту, и нам, архиепископам и епископам, и нашим преемникам, от поставления архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, попов и дьяконов, и всего священнического чина ничего никому не брать и поминков никаких не принимать»¹³.

Собор принимает даже такие постановления, чтобы виновных в симонии лишать сана: «Если кто нерадением дерзнет преступить настоящее уложение, тогда будет лишен своего сана и да извернется сам и поставленный от него без всякого извета».

Однако «отцы» собора, которые выносили это постановление, сами его нарушали, поэтому реального значения это постановление не имело. Понадобилось вмешательство многих лиц, чтобы один из деятелей собора, ревностный поборник «православия» против еретиков, епископ новгородский Геннадий был лишён кафедры за своё корыстолюбие, достигшее невиданных даже для того времени размеров.

Стоглавый собор вновь столкнулся с этим большим вопросом и попытался его упорядочить хотя бы внешне, так как, по существу, все деятели собора были сами заинтересованы в симонии из-за «страсти к наживе», «ради прибытков».

Для выжимания из низшего духовенства денег высшие церковные чиновники создали аппарат «по царскому чину», который должен был выполнять обязанности по сбору налогов, фискальные и полицейские функции, наблюдать за поведением или, вернее, держать в послушании священнический цех, собирать с них налоги и сборы и вообще осуществлять в отношении духовенства те задачи, которые осуществлял государственный аппарат по отношению к населению. На почве управления духовенством таким аппаратом поборы и злоупотребления властью могли только процветать... Как отмечает находившийся в оппозиции к духовенству ростовский поп Скрыница, «владыки назирали за священниками своих епархий “по царскому чину”, через бояр, дворецких, недельщиков, тиунов, доводчиков, которые, желая иногда выслужиться перед своими корыстолюбивыми владыками, а с другой, помня свой карман, до того притесняли низшее духовенство своим неправым судом, вымогательством, взяточничеством, что “от их великих продаж”, как сознались на Стоглавом соборе сами церковники, многие церкви стояли пусты и без попов»¹⁴.

Высшие церковные чиновники, которые сами, по выражению Максима Грека, «из-за страсти к стяжанию безчувственнейши камней устроиша» не только не запрещали своим наместникам заниматься ограблением низшего священнического цеха, но, напротив, требовали от него значительных денег и разрешали производить всяческие поборы, лишь бы не уменьшались доходы церковных капиталистов...

По словам Максима Грека, церковные аристократы «светло и обильно напивались по вся дни и пребывали в смесех и пьянстве и всяческих играциях, тешили себя гусями и тимпаны и сурнами и воров студным блядени, а сирот и вдовиц безщадно и безмилостиво росхищали».

Эти же представители высшей церковной иерархии, расхищавшие церковные вклады, по отношению к правящим классам держались так, что заслужили от современников меткое прозвище «потаковники».

Вынося постановления об улучшении нравов духовенства, церковная аристократия меньше всего склонна была поступиться своими привилегиями, отказаться от своих доходов, пусть и не всегда внешне канонических.

Довольно значительную часть духовенства, в особенности чёрного, составляли

---

¹³ Мак., Ист. Рус. Церкви, VI, 119.

¹⁴ Стогл., 5 гл., вопр. 7-ой.

представители правящих классов. Для одних пострижение являлось завершением неудачной политической борьбы, для других пострижение представляло возможность сохранить своё имущество, делая известный вклад в пользу монастыря. Как велика была эта часть духовенства, принимавшая пострижение меньше всего, чтобы соблюдать монастырский устав, можно видеть из того, что приём в монастырь совершался лишь в результате значительных вкладов, доходивших до 1000 и более рублей! Внося в монастырь свой вклад, эти представители духовенства меньше всего думали о соблюдении монастырского устава, «чтобы в мир не ходить, чтобы мир не любить», а переустраивали монастырский устав по своему желанию. По выражению одного памятника, эти монахи были «только по одежде иноки, а все мирское совершается».

Спекуляция монашескими местами достигла таких размеров, что Стоглавый собор вынужден был дать постановление настоятелям, чтобы они принимали в монастыри всех, «и от тех не истязовати ничтоже, но токмо сами, что дадут по своей воле, то от них принимать по священным правилам» (Стогл., гл. 50). Это постановление Стоглавого собора не соблюдалось ввиду невыгодности его для духовенства, и в результате в монастырях подбиралась богатая и знатная группа, которая ни во что не ставила монастырские порядки.

Несоблюдение монастырского устава богатыми монахами отмечает и Стоглав, который вместе с тем разрешает им известные льготы против монастырского устава: «Так как в великих честных монастырях стригутся князи и бояре и приказные люди великие в немощи или при старости, и дают выкупы (вклады великие и села вотчинные), то на них за немощь и старость законов не наложить о трапезном хождении и о келейном ядении, а покоити их по рассуждению ествой и питьем, про таких держати квасы сладкие и черствые и выкислые, кто каковы требует, и яства такожде; или (если) у них лучиться свой покой или от родителей присылка, и о том их не истязати же»¹⁵.

В результате такого отношения монахи из высших классов вносили в монастырь все особенности своей мирской жизни и не считались с монастырскими уставами, которые вообще плохо соблюдались. О поведении знатных монахов в монастырях говорит в своём послании в Кирилло-Белоозёрский монастырь Иван Грозный.

«...Бояре, пришедши к вам, свои любострастные уставы ввели: значит не они у вас постригались, а вы у них постригались, *не вы им учителя законопояснители, а они вам...* Сегодня один боярин такую страсть введет, завтра другой – иную слабость, и так мало-по-малу весь обиход монастырский испразднится и будут все обычаи мирские. Ведь по всем монастырям сперва начальники установили крепкое житие, да впоследствии разоряло его подобострастие. Кирилл чудотворец на Симонове был, а после него Сергей, и каков закон был – прочтите в житии чудотворца;... а теперь что видим на Симонове? Кроме сокровенных рабов божьих, *остальные только по одежде иноки, а все мирское совершается...* Ныне у вас Шереметьев сидит в келье, что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да ядят и пьют что в миру; а Шереметьев, невесть со свадьбы, невесть с родин, рассылает по кельям постилы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастырем у него двор на дворе, на дворе запасы годовые всякие, – и вы ему молчите о таком великом монастырском бесчинии! А некоторые говорят что и вино горячее потихонько в келью к Шереметьеву приносили. Пригоже ли так в Кириллове (монастыре) быть, как Иосиф, бывший митрополитом, у Троицы с клирошанами, или как Мисаил Сукин в Никитовском монастыре и по иным местам, слоно вельможа жил, или как Иона Мотякин и другие многие живут, *не желая подчиняться монастырскому началу...* Не говорите: если нам с боярами не знаться, и монастырь без подаяния оскудеет. Сергей, Кирилл... и многие другие святые не гонялись за боярами, да бояре за нами гонялись и обители их распространялись: ибо благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают. У Троицы в Сергиеве монастыре благочестие иссякло, и монастырь оскудел: не пострижится никто и не

---

¹⁵ А.И.1, 204.

даст ничего. А на сторонах до чего дошли? Уж затворить монастырь некому, по трапезе трава растет...

...Мы же приплетаемся земных вещей, как миряне, учащаем нивы, наполняем гумна, украшаем дома; если что увидали у мирских людей дивного, то всю силою стараемся, чтобы и у нас тоже было; а не помним того, что при пострижении мы отреклися и всего мира и яже суть в мире. Если это покажется ложным, испытаем себя не имеем ли сел, как миряне, словут ли нивы чернеческие и озера, и пажити скотом, и дома твердо огражденные и храмы светлые. Не имеем ли кладовых со имением, крепко охраняемых, подобно мирским довержцам? Не красуемся ли блистанием златным и веселимся и величаемся? Не нами ли полны бывают обеды и празднества мирские?

Не мы ли опять созываем мирских богачей, сажаем их за свой обед, желая через это большое дерзновение к домам их имети? Не председаем ли мы у них на брачных пиршествах?»¹⁶.

Введя в монастыри все отличительные черты своей мирской жизни, монахи из высших классов не оставили также привычки кичиться своим происхождением.

У митрополита Даниила мы встречаем любопытное указание, как продолжали князья и бояре, после пострижения в монастырь, считаться своим происхождением, словно у престола московского князя. «Никто же да не глаголет, – поучает Даниил иноков, возносящихся своим происхождением, – яко аз рода царского есмь, никто же да не возносит на высоту брови своя, глаголя: яко мы убо от светлых и благородных родителей есмы рожени и воспитани, а сии от убогих и нищих рода есть и от худых родителей воспитанных и онога раб есть»¹⁷.

Если таково было высшее белое и чёрное духовенство, то низшее духовенство немногим отличалось от своих руководителей.

Стоглав подтверждает, что настоятели выгоняют бедных чернецов, даже старых слуг и вкладчиков, и оттого «чернцы и черницы по миру волочились и жили в миру и не знали, что словет монастырь, и тем нигде покою не было, ни в котором монастыре не поднимали»¹⁸.

Низшая братия и низшее духовенство были в полном пренебрежении у своих высших чиновников: последние стыдились признавать за «братию» бедную братию, «алкавшую и жаждавшую и всячески некойную, всяческими нуждами одержимую»¹⁹.

Церковные аристократы брали с низшего духовенства бесчисленные поборы в свою пользу: и за посвящение и пошлину епитрахильную, и за грамоту, и за печать к ней, за пошлину настольную, и за освещение церкви и антиминос, и дань епископу, и переходную, и судную, и ряд других. Все эти поборы низшее духовенство перекладывало затем на население.

Низшее духовенство не пользовалось авторитетом у народа и, подчас, вело довольно жалкий образ жизни. Интересы низшего духовенства были весьма ограничены и не шли дальше изыскания доходов для себя и представителей высшей церковной иерархии.

Низшее духовенство вместе с тем полностью зависело в материальном отношении от своего помещика и прихожан; чтобы несколько улучшить своё материальное положение, духовенство не столько занималось отправлением своих культовых дел, сколько изыскивало источники доходов. Отсюда жалобы на пренебрежение духовенства службой. Митрополит Симон писал о современных ему священниках, что многие из них остаются совершенными невеждами, весь разум свой тратят на снискание пищи, на устройство своей внешней жизни, не учатся и спросить других не хотят, больше заботятся об утробном гладе, чем о душевном.

---

¹⁶ Ст. гл. 50.

¹⁷ В. Жмакин, митр. Даниил, стр. 620-621.

¹⁸ Ст., гл. 5 воп. 8, 9, 7.

¹⁹ Ст. 5 в. 8.

Бесправное положение низшего духовенства прекрасно охарактеризовано в одной челобитной приходского духовенства царю Алексею Михайловичу, в которой читаем: «Если и придется кому заплатить за бесчестие попа или дьякона, бояться нечего, потому что по благому совету бояр твоих бесчестие положено очень тяжкое Мордвину, Черемису: попу 5 рублей, да 4-ая собака (царской псарни) пять же рублей! И ныне похвальное слово у небоящихся бога дворян и дворянских людей: бей попа, что собаку, лишь бы жив был, да кинь пять рублей!».

Это бесправное положение низшего духовенства, экономическая зависимость его от помещика и прихожан, наконец, гнёт, который испытывал он от церковных помещиков, — естественно создали благоприятные предпосылки к дальнейшему разложению низшего духовенства. Духовенство, впрочем, вообще не отличалось особыми достоинствами, поскольку в духовенство шли все те, кто искал в этом ремесле лёгкого заработка и не был способен к другому труду.

Церковь – носительница культуры и просвещения

Поповские историки, говоря о развитии просвещения в России, обычно ставят это в заслугу духовенству: отмечая наличие некоторой части духовенства, несоответствующей высокому «призванию» пастыря и учителя, – церковные историки вместе с тем значительную часть духовенства рассматривают как передовое, де, общество, несущее народу знание и культуру...

Эта оценка духовенства, как носителя культуры, совершенно не верна. В известную эпоху развития письменности на Руси, когда просвещение носило узкоцерковный характер, носителями и хранителями этого церковного просвещения были церковники, преимущественно, монахи в богатых монастырях. В дальнейшем же, с развитием культуры, церковь не только не способствовала распространению просвещения, но, напротив, стала приобретать значение гонителя просвещения.

Прекрасную характеристику церковникам в этом отношении дал ряд иностранцев, посетивших Россию в XVI и XVII столетиях; невежество и мракобесие русского духовенства поражало их тем более, что оно выделялось даже на фоне грубых нравов и невежества той эпохи.

По свидетельству иностранцев, невежество царило среди духовенства, начиная от самых высших церковных чиновников и кончая бедным сельским священником и простым монахом. Высказывая удивление крайнему невежеству духовенства, не знакомого с основными началами грамоты, Поссевин²⁰ рассказывает, что ряд монахов, с которыми он сталкивался, не знали, какой у них устав. Петрей²¹ в следующей резкой форме характеризует современное ему русское духовенство: «Монахи ужасно неприличны, неучтивы, и не умеют ничего ответить, если спросить что-нибудь из библии или отцов об их вере, уставе, образе жизни: они ничего не смыслят в библии: они простодушно говорят, что они не в состоянии отвечать на эти вопросы, потому что содержат себя в простоте и неведении; не умеют ни читать, ни писать»²².

Другой иностранец, Олеарий, сообщает, что в его время из десяти монахов лишь один знал наизусть молитву господню.

Описывая невежество духовенства, он приводит рассказ, как монахи поплатились за своё невежество во время Иоанна Грозного. Царь пригласил нескольких монахов присутствовать при бракосочетании датского принца Магнуса, и оказалось, что эти монахи по книге не могли так твёрдо прочесть символ св. Афанасия, как сделал это сам царь, за что разгневанный царь избил монахов своим посохом²³. Тот же Олеарий видел в Никольском Новгородском монастыре монаха, который обыкновенно обозначал по книге то место, на котором он прервал своё чтение, тем, что закапывал его воском, иначе ему трудно было найти это место в следующий раз.

Но не только низшее духовенство было так безграмотно. По свидетельству иностранцев, не меньшую безграмотность проявляло и высшее духовенство – епископы, и даже патриарх, которые и в вопросах веры не проявляли должных для их профессии, догматических хотя бы, знаний.

---

²⁰ Знаменитый иезуит Антоний Поссевин описал нравы московского государства в сочинении своём «Московия», изданном впервые в Антверпене в 1527 г. Рассказывая о своём путешествии по Московии 1581-82 г., Поссевин подробно останавливается на описании религиозной жизни в московском государстве.

²¹ Петрей побывал в России в Смутное время и подробно описал внутреннее состояние Московского государства.

²² Руцинский – Религиозный быт русских у иностранцев XVI и XVII вв., стр. 171.

²³ Руцинск., стр. 173.

Если невежество духовенства бросалось в глаза иностранцам, посещавшим московское государство в XVI и XVII веках, то недостатки его особенно чувствовались русским обществом, и памятники XIV-XVII веков полны обличений по этому поводу. По свидетельству памятника, Акакий, епископ Тверской, покровитель Максима Грека, «малоучен бе грамоте»; Максим Грек говорит, что при нём не только низшее духовенство, но высшие церковные чиновники знали писание только по чернилу.

Эта низкая степень просвещения духовенства станет нам понятной, если мы посмотрим, как вербовались в «воинство христово» новые служители.

Новгородский епископ Геннадий, тот самый, который затем за своё сребролюбие был лишён сана, так описывает посвящение митрополиту Симону: «Вот приводят ко мне мужика; я приказываю ему читать апостол, а он и ступить не умеет; приказываю ему дать псалтырь; а он и по той едва бредет. Я отказываю ему (в священничестве), и на меня жалобы: земля, господине, такова: не может добыть, кто бы умел грамоте. Вот и обругал всю землю, будто нет человека на земле, кого бы ставить в священство.

Бьют мне челом: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить ектению, а он и слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он другое. Приказываю учить азбуке, а они, немного поучившись азбуке, просятя прочь, не хотят учить ее. А у меня духа не достаёт ставить неучей в священника»²⁴.

Также и Стоглав, говоря о полном несоответствии духовенства, вынужден отметить невежество и безграмотность его: «Ставленники, хотящие ставиться в дьяконы и попы, грамоте мало умеют, и святителем их поставити ино сопротивно священным правилам, и не поставити,— ино святые церкви без пения будут, а православные хрестьяне учнут без покаяния умирати. Когда святители спрашивают священников, почему они мало грамоте умеют, они отвечают: мы де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде нам учиться негде; сколько отцы наши и мастера умеют, потому и нас учат. А отцы и мастера их и сами потому же мало умеют, и силы в божественном писании не знают, а учится им негде»²⁵.

Как рассказывает Антоний Поссевин, в XVI веке в московском государстве было весьма ограниченное количество элементарных школ, где давалось начальное образование. Сосредоточены были эти школы вначале при монастырях, о них пишет, например, Иоанн Кобенцель: «Во всей Московии нет школ и других способов к изучению наук, кроме того, чему можно научиться в монастырях; поэтому из тысячи людей едва найдется один, умеющий читать»²⁶, эти школы не получали должного развития ввиду отсутствия руководителей, а затем вследствие чрезвычайно развитой среди монашества педерастии. Это вызвало даже нарочитое постановление Стоглавого собора: не держать в монастырях «голоусых». В сборниках XVI века встречаются многочисленные поучения, запрещающие держать в монастырях мальчиков, хотя бы они приходили обучаться грамоте; поучения эти указывают, что монахам неприлично заниматься с ребятами.

Будучи принесены в жертву для избавления монахов от искушений, школы владели столь жалкое существование, что Стоглав вынужден был отметить: «Ученики учатся грамоте небрегомо».

Отмечая чрезвычайно слабое развитие грамоты среди духовенства, Стоглав выносит несколько добрых пожеланий о насаждении грамотности; однако свои пожелания он не обеспечивает никакими конкретными мероприятиями.

По важнейшему вопросу, о школах, Стоглав вынес такое постановление: «Протопопам и старейшим священникам со всеми священниками и дьяконы, кийждо в своем городе

---

²⁴ А.И. I №104.

²⁵ Стоглав, гл. 5, вопр. 6.

²⁶ Митр. Макарий т. VII, стр. 116.

избирати добрых и духовных священников, и дьяконов, и дьяков же, наученых и благочестивых... и у тех священников и дьяконов учинити в домех училища, чтобы священники и дьяконы и вси православные христиане в коемждо граде предавали им своих детей в научение грамоте, и на научение книжного писания, и церковного чтения, и псалтыры по пению напойного... И силу бы им в писании сказывали, по данному вам от бога таланту, ничто не скрывающе, чтобы ученицы ваши книги учили все, которые святая соборная церковь приемлет»²⁷.

Устроив, таким образом, из обучения своеобразную поповскую повинность, Собор не подумал о тех мерах, которые дали бы возможность провести это постановление в жизнь: «Учили бы своих учеников чести, и пети и писати, *сколько сами умеют*, ничтоже скрывающе, но от бога мзды ожидающе, а здесь от их родителей дары и почести, приемлюще по их художеству». Таким образом Стоглав узаконил существующий порядок, когда грамоте учили бездарные «мастера», сами еле знавшие грамоту, и ничего не сделал для развития народного образования.

И, в результате, старцы, «отличные жизнью и знанием грамоты», представляли собой редкое явление ещё в половине XVII века, как это можно видеть, например, из грамоты митрополита Варлаама в Белоозёрский монастырь (1641 года): грамота предлагает послать этих старцев в Москву и угрожает наказанием за сокрытие их.

Митрополит Даниил, давая резкую оценку нравов современного ему духовенства, в следующих словах характеризует его невежество и неграмотность: «Полон мир попов, да делателей мало. Мнози суть не умеют книг читати, токмо в той чин выидоша ищущи льготы себе и чести... токмо мирская печалуют, а книг не почитают, и учащих ненавидят. Друзии рано пьют, а иные на беседах сидят, а о том не думают, как бы поучати людей на закон божий»²⁸.

Патриарх Никон, желая поднять умственный уровень духовенства, попытался несколько строже отнестись к ставленникам и издал в 1654 году специальный указ о ставленниках: «Кому ставится в попы или дьяконы, чтобы посадские люди, или в волостях волостные люди приносили выборы и челобитье за руками; а выборы ткали б, чтобы он грамоте умел и смирен, и церковному правилу искусен, и от божественных книг сказателен, и не пьяница, и не зерник, и не тать, и не разбойник и душегубец, и креста на суде не целовал»²⁹.

Вот какой сложный отбор приходилось делать поставляемым в священники! Естественно, что не все ставленники удовлетворяли столь серьёзному испытанию.

Что найти кандидатов в священники, удовлетворявших столь значительным требованиям, было нелегко, видно из того, что Никон вынужден был приглашать духовенство даже с юга, так как московское духовенство его не удовлетворяло...

Попытки Никона хотя бы несколько повысить грамотность духовенства – не увенчались успехом. Собор 1662 года вынужден был вновь отметить, что «во священство поставляются сельские невежды, иже инии ниже скоты пасти умеют, кольми паче людей».

В XVII веке церковное просвещение не только не развивалось, но, напротив, падало, в связи с дальнейшим упадком церковных школ. Трудно было найти грамотного кандидата даже на ответственную церковную должность, не говоря уже о низшем духовенстве. «Ныне в Софийском дому ризничего нет, – жалуется в половине XVII столетия митрополит новгородский Афоний соловецкому игумену Маркеллу, – а взять негде, во всех монастырях

---

²⁷ Ст., гл. 6-я п. 41, вопр. 22.

²⁸ Из поучения митр. Даниила (Чт. Общ. Ист. и Древн. 1847, №7) (А.А.Э. III, 302).

²⁹ А.А.Э. IV, 331.

добрые старцы перевелись, а которые и есть, и те бражничают, а *грамоте не умеют*»³⁰.

Жалобы на низкий уровень развития духовенства встречаются не только в церковной обличительной литературе, но также и в гражданских актах того времени.

При таком состоянии церковного просвещения, при полной безграмотности духовенства церковники, естественно, не оправдывали в полной мере возлагаемых на них задач по обработке народа в нужном для правящих классов духе. Поэтому работа церковнослужителей подвергается частой и резкой критике со стороны высших церковных и светских чиновников, призванных русским царём наблюдать за правильным выполнением духовенством возложенных на него обязанностей.

Иностранец, побывавший в России при Иоанне Грозном, отмечает отсутствие церковной проповеди как результат низкого духовного образования: «Они (русские), говорит он, не имеют ни обыкновения, ни способности, чтобы говорить проповеди и наставлять паству, потому что весь клир погружен в глубокое невежество в отношении слова божия»³¹.

Подчёркивая роль священства в деле «церковного ради исправления и за мирское спасение», церковный обличитель XVI века с грустью говорит, что духовенство не удовлетворяет своему основному назначению. «Вы же, говорит он, обращаясь к священникам, о сих всех не брегосте... и не во что же не вменяете и детей своих духовных не востязаете, ни поучати их от божественного писания не произволяете, и того священство свое зле храните»³².

Тот же мотив встречается во многих произведениях церковно-поучительной и обличительной литературы. Всюду встречаются увещания священникам «смотреть прилежно, како себя управляете, и как наставляете на путь спасения христово стадо словесное, вам вверенное»³³.

Как относилась масса к проповеди, – видно из поучения митрополита Даниила. Он указывает, что священники не пользуются среди паствы никаким авторитетом, и что над ними открыто глумятся. «Когда пастырь начнет учить народ, говоря ему: о дети, так и так поступайте, как велят нам христовы заповеди и прочия божественныя писания: тогда ему слушатели отвечают: прежде научи себя; иные же говорят: до чего тебе доучить нас? Ты сам ли по писанию живешь... отчего ты забыл себя, отец святой? Учитель начнет учить их от божественного писания, а они станут говорить о нем. *О, учитель наш, как фарисей – тщеславится*»³⁴.

Тщетно высшее духовенство обличало свою младшую братию «исправиться» и грозило послушникам лишением сана: «Если вы, священники, не исправитесь сами и не будете учить свою паству исправиться от пороков мы лишаем вас сана и не даем своего благословения»³⁵. «И вы священники, егда сами уклонистесь право пути, како можете извести стадо своё на пажити духовные, напоити животныя воды, пребывающие в живот вечный»³⁶.

«Не мудрено, что и другие, смотря на вас, соблазняются»³⁷ «посему исправьте прежде

---

³⁰ Жданов, Раскол, стр. 227.

³¹ Преображенский, стр. 46.

³² А.И. I. №64.

³³ Из поучения митр. Фотия А.И. I, №20.

³⁴ Изв. II, отд. Отд. Ак. Наук, т. V, стр. 200.

³⁵ А.И. I, 64.97.261. Доп. А.И. I, 28, 43.

³⁶ А.И. I, 64.

³⁷ А.И. I, 112.

себя, а потом народ», – таковы обычные выражения церковной проповеди, пытающейся придать, но неудачно, хотя бы внешнюю благопристойность духовенству.

Характерным является упрёк, который бросает духовенство народу, говоря устами митрополита Даниила: «Ты же пастыря презираеши и не во что не поставляеши». Трудно было рассчитывать на уважение среди населения, когда духовенство показывало примеры самых необузданных пороков и, проявляя полную безграмотность даже в своём ремесле, заботилось лишь об увеличении своих доходов не считаясь со средствами.

Если в таком состоянии была проповедь низшего духовенства, то высшие церковные чиновники в своей проповеднической деятельности опирались на правящие партии и соответственно с этим проводили свою политику. Заискивающий и лицемерный тон проповеди типичен для высших церковных деятелей. У архиереев, по словам литературного противника Грозного и выразителя взглядов представителей старой знати, князя Курбского, выработался такой взгляд на проповедь: «Не должно говорить пред царями, не стыдися о свидении господнем и обличать их в различных законопреступных делах; их ярость неудобостерпима естеству человеческому».

Архиепископ новгородский Феодосий, говоря о современном ему высшем духовенстве, метко отметил: «*Всяк сан со златом советуется*» .

Закрывая глаза на недостатки своих покровителей, «потаковники» эти в своей деятельности и на соборах проводили ту политику, которая была выгодна правящим классам.

Говоря о высших церковных чиновниках, Курбский в следующих резких словах отзывается о них: «Посмотрим и на священнический чин, в каких обретается, не яко их осужаем,– не буди то, но беду свою оплакуем; не токмо душа своя за паству христову полагают, но и расхищают; всем яко бедно ми глаголати, не токмо расхищают, но и учителя расхитителем бывают, начало и образ всякому законопреступлению собой полагают; не глаголют перед царя, не стыдися о сведении господни, но *паче потаковники* бывают, не вдовиц и сирот заступают... но *села себе устроят* и великие храмы и богатствы многими кипят и корыстьми, яко благочестием, украшаются».

«Безмерное упивание»

Страсть русского духовенства к «пьянственному питью» достигала таких размеров, что «упивание» выходило далеко за пределы бытовой подробности и очень беспокоило высшую церковную иерархию и государственную власть.

Благодаря «безмерному упиванию» духовенство не в состоянии было справляться удовлетворительно с возложенными на него, как на помощника правящих классов задачами и теряло в глазах населения свой авторитет. Пьянство вызвало столь значительное разложение духовенства, что грозило самому существованию налаженного церковного аппарата; поэтому государственная власть вместе с высшей церковной иерархией, пыталась несколько обуздать эту страсть духовенства, свести её до размеров не столь катастрофически опасных для авторитета духовенства.

«Пьянственному питию» отдавали должное все: и низшее духовенство, и монашество, и духовная аристократия вплоть до епископов, и «упивание» встречается уже в самые ранние времена истории нашей церкви.

В канонических ответах митрополита Иоанна II (1080-1089) мы встречаем любопытные указания, что «в монастырях часто пиры творят, созывают мужа вкупе с женами и в тех пирех друга друга преспевают, кто лучей сотворит пир». В тех же ответах митрополит Иоанн рекомендует епископам указывать, что «яко пьянству злу царства божья и лишаться, яко пьянство иного зла последует: невоздержание, нечистота, блуд, хуление, нечистословие, да не реку злодеяние, к сим и болезнь телесная»³⁸.

То же древнее поучение грозит лишением священства всем «иереем, до упивания пьющим», кто «не лишается пьянства» и предлагает при посвящении особенно следить, чтобы кандидат не страдал запоем.

Что пьянство среди древнерусского духовенства было не случайным явлением, а глубоко бытовым, можно видеть из того, что редкое церковное поучение не упоминает об этом «душеспасительном» занятии духовенства.

Новгородский епископ Лука Жидята в поучении к братии пишет: «Не твори блуда, не пей безвременно, но пей в меру, а не до пьянства»³⁹. Ту же мысль проводит в своем поучении и Феодосий, говоря: «Иное пьянство злое, а иное – питье в меру, и в закон, и в приличное время, и в славу божью».

Чтобы оправдать пьянство, духовенство ссылалось на апостола Павла, который в своём послании говорит Тимофею: «Не пей воды, но мало вина приеми, стомаха ради твоего и частых недугов» (Тим. 5, 23). Отсюда монастырская поговорка, оправдывающая пьянство «стомаха ради».

Иностранцев, побывавших в московском государстве в XVI и XVII веках, прежде всего поражало пьянство духовенства, и они в мрачных красках описывали быт и состояние духовенства. Конечно, и западноевропейское духовенство не отличалось чистотой нравов, но что поражало иностранцев в нашем духовенстве, – это крайняя внешняя распущенность и разнузданность, не стесняемые никакими соображениями о церковном авторитете.

Описывая быт русского духовенства, Олеарий отмечает, что в большие праздники, вечером, всегда можно увидеть священников, валяющимися в грязи⁴⁰.

По словам Петрея, монахи проводят свою жизнь в сластолюбии, пьянстве, а вклады на устройство церквей, монастырей и часовен служили только для суетности, невоздержанности и обжорства. Монахи искали только случая, чтобы поесть и попить, и на

---

³⁸ Русская Историческая Библ., т. VI, стр. 16.

³⁹ Макарий. Ист. Русск. Церкви, I, стр. 126.

⁴⁰ Руцинский. Рел. быт русских у иностр.

праздниках до того напивались, что падали на улицах.

Ещё резче отзываясь о русском духовенстве иностранец Корб, который пишет, что монахи и монахини, по окончании постов, погружаются во всякого рода распутство, причём более на гуляк, чем на монахов похожи; пьяные шатаются *на улицах* и, лишившись всякого стыда, нередко *там же* предаются сладострастию»⁴¹.

В своей характеристике московского общества, говоря о пьянстве, свойственном «всем без различия классам общества», Маржерет отмечает, что духовенство в отношении пьянства нисколько не уступает мирянам, но даже его превосходит.

Один иностранец (Хитрей) подметил эпизод, достаточно типичный для духовенства того времени. Вот как описывает он случай, свидетелем которого он был лично. «Случится ли свадьба: за священником посылают раз-другой, потому что несчастный поп спит пьяный. Наскучив ожиданием, родственники жениха отправляются к священнику, приносят ему в подарок водку и насильно уводят в церковь, но он не может твердо держаться на ногах и часто падает. В церкви поднимается такой смех и хохот, что с ним едва ли могло сравниться языческое богослужение, совершавшееся в капищах Венеры. Чтобы священник не упал, его нарочно поддерживают и, по совершении таинства, обратно отводят домой»⁴².

В Троицкой лавре на одного монаха отпускалась бутылка хорошего кагору, штоф пенного вина, ковш мёду, пива и квасу; пьянство в лавре доходило до того, что перед всенощной в алтаре приносились ведра с пивом и мёдом, и во время службы монахи по очереди подкреплялись. Непомерное пьянство монахов лавры во время службы послужило основанием для сложения специальной поговорки: «*Правый клирос поёт, а левый в алтаре вино пьёт*».

Говоря о безмерном упивании, процветавшем среди духовенства, Стоглав отмечает, что «иноки от пьянственного питья в конечную погибель и в блудный ров впадали»⁴³. Вопросу о пьянстве духовенства в Стоглаве посвящается целая глава, где монашество увещается не предаваться «безмерному упиванию» и соблюдать воздержание.

Изображая в резких чертах церковное пьянство, Стоглав не ставил своей задачей искоренить пьянство среди духовенства, он стремился лишь ограничить его: отцы собора советовали «егда подобает» выпивать «по чаше, по две или по три», не находя в этом ничего предосудительного. Но духовенство не ограничивало себя той мерой, какой предлагал Стоглав, и монахи, как с грустью отмечает Стоглав, «сего ограничения ниже слышати хотели, ниже ведали меру чаш оных, но сицева мера их есть, егда пьяни будут, якоже себе непознавати ниже помните множицей даже и до облевания и тогда престанут пити»⁴⁴.

Об этой страсти духовенства к безмерному упиванию говорит и сам – на редкость алкоголик – царь Иван Грозный: «Мы (иноки) пием, донележе в смех и детем будем».

Столь же резкую оценку духовенству в его страсти к безмерному упиванию даёт инок Вассиан, отмечая, что пастыри и овцы вместе заблудились. Попы и церковные причётники, говорит Вассиан, в церкви всегда бывают пьяны, и тогда всякие неподобные речи исходят из уст их, а подчас и бьются в церкви, а миряне, смотря на их бесчиние, делают тоже, всё равно, как на торжищах и играх или на пиру или в корчмах: «Лаются без стыда всегда и всякими укоризнами неподобными скаредными и богомерзкими речами».

Любопытна жалоба игумена Кирилло-Белоозёрского монастыря Игнатия с братьей – на своеволие старца Александра, который «игумена и старцев соборных лаёт блядинными детьми... братью... бьет плетьем, без нашего игуменского и без старческого совету, и на чепь

---

⁴¹ Ростиславов. Опыт, исследований об имуществе и доходах наших мон-ей. СПб. 1871, стр. 40.

⁴² Руцинский, 118.

⁴³ Стоглав, 5221.

⁴⁴ Преображенск. 206.

и в железа сажает... И после ефимона на погребѣ пьет сильно с теми людьми, которых емлет с собой в пустыню... И общежителство... кирилловское разоряет, слуги и лошади держит собинные, торгует себе на собину».

Конечно, такое отношение к игумену с старцами и к монастырскому имуществу могло проходить безнаказанно лишь потому, что партия старца Александра была сильна, так как иначе мятежного старца живо отправили бы в дальний монастырь на покаяние.

Прославленные и богатые монастыри, как Соловецкий Троице-Сергиевский и др., не составляли в этом отношении исключения.

Царская грамота 1584 года в Соловецкий монастырь указывая, что в монастыре «сытят квасы медвенные да квасят, и устав прежней монастырской переменен», отмечает уже, что недостатки монастырской жизни являются результатом монашеской праздности и безделия. Поэтому запрещая монахам заниматься приготовлением вина, грамота предлагает монастырскому начальству: «И вы бы есте берегли накрепко, чтобы у вас в монастыре безделия какого не явилось, а которые старцы учнут роптати, и вы бы тех старцев смиряли по монастырскому чину».

Эти недостатки в Соловецком монастыре не прекращались, несмотря на многочисленные попытки улучшить монастырскую жизнь. Из грамоты 1636 года о недержании вина и прекращении беспорядков мы узнаём, как развито было пьянство в Соловецком монастыре. Приводим выдержки из этой монастырской грамоты, могущей быть в равной степени отнесённой и к другим монастырям эпохи.

«Ведомо нам учинилось, читаем в грамоте, что в Соловецкий монастырь с берегу привозят вино горячее, и всякое красное немецкое питье, и мед пресной, и держат то всякое питье старцы по кельям, а на погребѣ не ставят, и келарей и казначеев выбирают без соборных старцев и без черного собора те старцы, которые пьяное питье пьют; и на черных соборах смуту чинят и выбирают и *потаковников*, которые бы им молчали, а они бы их в смирение не посылали и на погребѣ бы им беспрестанно квас поддельной давали, а которые старцы постриженники старые и житьем искусны, и тех де старцев бесчестят и на соборе говорити им не дают».

Обрисовав картину монастырского общества, грамота ограничивается, однако, лишь увещаниями: «И вы бы в Соловецком монастыре жили бы по правил св. отец и по преданию великих чудотворцев Зосимы и Саватя, как бывало наперед сего; и квасов бы поддельного и вина горячего и красного немецкого, и никакого пьяного пития, ни меду пресного старцы по кельям не держали и не пили; а которые будут старцы или служки меду пресного что невеликое и привезут, и вы бы тот мед велели держати на монастырском погребѣ с береженьем и давали бы им, *которым надобно*, смотря по немощи, не повелику»⁴⁵.

В других случаях непокорных, неподдающихся исправлению монахов подвергали ссылке в дальние монастыри. Так, в церковной грамоте Вологодскому архиепископу Варлааму указывается: «Писал ты нам: бывают на Вологде пришлые и в Вологодских монастырях бесчинные старцы, живут в мирских домах и по кабакам пьют и бражничают, и бредят в мире с великим бесчинством».

Этих бесчинствующих старцев грамота предлагает принимать на смирение: «И ты бы таких старцев бесчинников унимал и смирял... и в монастыри посылаи, чтобы иным... впредь плутать так не было повадно»⁴⁶.

Те же меры воздействия по отношению к монахам, нарушавшим монастырский устав, предлагает применить царский указ 1670 года и Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю. Приводя распорядок монастырской жизни и необходимость соблюдать устав, указ отмечает: «А старцам велеть жить в монастыре стройно, смирно и немятежно, в

---

⁴⁵ А.А.Э. III №262.

⁴⁶ А.А.Э. III №285.

покорении и в повиновении, и покоити их по монастырскому чину; а от хмельного питья и от самовольства их уймасть и по кельям над ними надзирать накрепко, чтобы они хмельного питья в кельях у себя отнюдь не пили и не держали; и с монастыря без архимаричья и без келарева ведома никуда не сходили, и уставить в монастыре у ворот сторожем, чтобы они старцев из монастыря без веления никуда не спускали и монастырские ворота закрывали. А которые старцы будут непослушны, учнут жить самовольством, и по кельям хмельное питье держать и пить, и бесчинство ходить... и келарю тех самовольников смирять монастырским кротким смирением и черной работой»⁴⁷.

Запрещение пьянствовать на улицах приводится также в наказе митрополита Новгородского Корнилия архимандриту Тихвинского монастыря Варсонофию⁴⁸.

Во многих случаях государство шло на такие меры, как разрушение монастырских винокурных аппаратов, и назначало штраф за несоблюдение своих распоряжений в этой области до 50 рублей. Так, в грамоте Варлаама, митрополита Ростовского и Ярославского, в Кирилло-Белоозёрский монастырь о недозволении держать в монастырях хмельное питье читаем: «Во всех монастырях хмельное питье, вино, и мед и пиво, отставить, чтобы от того монастыря в оскудении не были; а велено во всех монастырях про братью и в расход квас ячной и ржаной и ты учинил бы еси заказ крепкой, под великим государским запрещением, чтоб у тебя, сыну, и во всех монастырях нигде отнюдь хмельного никакого не было; да и б ты, сыну, и иные архимандриты, и игумены, и келари, и строители, в кельях не держали и общежительства б и монастырскому чину не разрушали, и на трапезу ходили всегда с братьей обще, а в кельях трапезы никто б не чинили, а про братью держали квасы ячные и ржаные, чтобы однолично во всем монастыре в нашей митрополии никакого пьянственного пития, опричь квасу, не было»⁴⁹.

Впрочем, эти меры государство применяло не для борьбы с пьянством, процветавшим в монастырях, а для искоренения кормчества, подрывавшего государственную винную монополию.

Но даже столь незначительные взыскания вызвали среди братии возмущение и бегство. Так, в грамоте митрополита Новгородского Питирима в Нилов-Столбенский монастырь читаем: «И ты бы в Нилове пустыне и Столбенского Чудотворца хмельного питья, буде прежде всего не бывало, и ныне держать не велел; а будет которое тое Нилове пустыне старцы учнут в монастыре по кельям хмельное питье держать, или которое буде учнут вне монастыря допьяни напиватися, и ты б тех старцев смирал монастырским смирением, смотря по вине, а которые буде *старцы из монастыря сбежали*, и что с собой снесли, и где они ныне живут, ты б на тех беглых старцов писал нам»⁵⁰.

Царская грамота 1647 года в Соловецкий монастырь вскрывает те ухищрения, на которые пускались монахи, чтобы получить вино, несмотря на запреты. Как жалуется игумен Илья, братия получает «сыченый квас без хмелю» недоквашенный; вместо того, чтобы пить этот напиток в трапезной, монахи уносят по своим кельям, где доквашивают и напиваются до пьяна: «Оттого пьянства бывает многая вражда и мятежи». В результате таких нестроений часто сменяются игумены, а монахи «повыкли жити по своей воле» и поддерживают тех кандидатов, которые «пьянственному питию касаются»⁵¹.

Такие «бесчинства», по выражению актов, творились не только в дальних монастырях.

---

⁴⁷ А.А.Э. III №298.

⁴⁸ А.А.Э. IV, 225, 1678.

⁴⁹ А.А.Э. IV, №37.

⁵⁰ А.А.Э. IV, №165, 1668 год.

⁵¹ А.А.Э. IV. 322.

Как указывают памятники, беспробудное пьянство развито было и в близлежащими монастырях, а также среди московского духовенства, не говоря уже о провинциальном. Царская грамота 1652 года отмечает: «В московских, в ближних и дальних, в степенных и нестепенных монастырях, архимандриты, и игумены и келари, и строители, и казначеи, и священники, и братья на монастырских погребях и по кельям у себя держат хмельное питье, вино, пиво и мед, и про монастырский обиход и про себя в монастырских вотчинах вина сидят, и пива варят, и меды ставят, и в монастыри возят, и от того хмельного питья церкви божьи бывают без пеня»⁵².

«Безмерное упивание» совершалось монахами не только за монастырскими стенами, но также далеко за пределами их, что ещё в большей степени разоблачало духовенство среди населения. Описывая, например, чинимые духовенством безобразия, одна грамота 1672 года предлагает церковному начальству... «учинить заказ крепкий, чтобы игумены, и черные, и белые попы и дьяконы, и старцы, и чернецы, на кабаки пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяны бы по улицам не валялись»⁵³.

Белое духовенство также пьянствовало, как и монахи: многочисленные памятники указывают на чрезмерное «упивание» священников, на исполнение ими своих церковных обязанностей в пьяном виде, на катание в пьяном виде на улицах, на соблазн своей пастве, *на полное неуважение населения к своим духовным отцам*. В одном акте крестьяне жалуются на своего попа: «А преже того поп Василий служил у Николы чудотворца, а потому его от церкви отрядили миром, что он, стал зернью играть и крестьян бить и грабить»⁵⁴.

В конце 1690 года архангельский приход Палеозёрской волости Сольвычегодского уезда жаловался архиепископу великоустинскому Александру на бесчинства своего попа Никиты Иванова. Поп уже раньше был уличён в краже церковной казны. «И всегда, государь он, поп Никита, живет бесчинно, и пьет на кабаках безобразно». Жалоба, приводимая в царской грамоте 1601 года Нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам, что «попы и дьяконы на собор к молебнам и на престолы приходят пьяны»⁵⁵, – является типичной для духовенства этого времени. «Попы и дьяконы хмельного питья до пьянства упиваются, и всякое бесчиние во всяких людях чинится»⁵⁶, – вот как характеризуется церковное общество этого времени.

Говоря о недостатках современного ему духовенства, митрополит Даниил особенно подчёркивает страсть духовенства к «безмерному и премногому пьянству» и видит в нём причину многочисленных пороков духовенства. Также и Стоглав отмечает: «Церковные причетники в церкви всегда пьяны, к церквам божьим ходили и на божественном пении бесчинно стояли, билися, и лаялися и сквернословили, и пьяни в церковь и во святой алтарь входили и до кровопролития бились»⁵⁷.

В соборном ответе 1681 г. содержится следующая характеристика духовенства: «В нынешнее время многие попы и дьяконы живут бесчинно, упиваются безмерным пьянством и дерзают безстрашием неизтрезвився служить божественную литургию и прочие церковные службы, утрени, вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковные тайны... действуют пьяные, и от такого бесчинного пьянства в покаяние не приходят и не престают, и

---

⁵² А.А.Э. IV. 328.

⁵³ А.А.Э. IV. 188.

⁵⁴ Богословский. Ист. земск. упр. II, стр. 39.

⁵⁵ А.И. II. №69.

⁵⁶ А.И. IV, 151.

⁵⁷ Стоглав, гл. V, в 22, 29.

божественного писания не внимают, а архиерейские запрещения презирают»⁵⁸.

Этой страсти «безмерного упивания» предавались, однако, не только священники и монахи и низшие церковные служители: ей предавалась также и церковная аристократия, начиная с игуменов и кончая епископами и даже митрополитами. Клеймя с высоты своих кафедр «безмерное упивание» как несовместимое с достоинством церковного служителя, высшие церковные чиновники, в свою очередь, в таких размерах занимались «упиванием», что служили соблазнительным примером для низшей церковной братии.

Исторические источники содержат многочисленные указания на пьянство *высших* церковных иерархов, этих «наставниц всякого бесчиния», служивших соблазном «верным и неверным».

Митрополит Зосима, один из руководителей русской церкви, получил от Иосифа Волоцкого такую характеристику: «Сосуд сатаны и дьявола, предавшийся чревоугодию, пьянству и содомству, старый еретик»⁵⁹.

Князь Курбский называет одного видного деятеля Стоглавого собора – архиепископа Ростовского, Никандра, пьяницей, а другого – епископа Суздальского, Афанасия – пьяницей и сребролюбцем.

По словам Максима Грека, высшие представители духовенства «светло и обильно напивались по вся дни и пребывали в смесех и пьянстве и всяческих играциях, тешили себя гуслиями и тимпаны и сурмана и воров студными блядении».

Говоря об игуменах, поставленных «дарами серебра и злата», Максим Грек клеймит их как «бесчинников житием, в пьянстве всегда и пищи всякой упражняющихся».

Даже такой поборник церковного благочиния, как князь-инок Вассиан, и тот, будучи в Симонове монастыре, пользовался великокняжеским столом: «Пил этот нестяжатель романею, бастр, мушкатель, ренское белое вино»⁶⁰.

Резкую характеристику ближайших помощников Ивана Грозного, высших церковных иерархов, его «*потаковников*», даёт также поп Сильвестр, называя их «пьяницами, погрязшими во всяком грехе».

Во время мятежа 1771 года был разграблен Чудов монастырь и расхищено имущество митрополита Амвросия личное и принадлежавшее архиерейскому дому. В частности, был разграблен лично принадлежавший митрополиту винный погреб. По описи не хватало следующих напитков: «Венгерского самого хорошего три антала не початых, каждый по 25 рублей, еще венгерского 48 бутылок, 3) шампанского полторы дюжины, 4) бургонского красного 2 дюжины, 5) рейнвейну самого хорошего 36 бутылок, 6) каноралекту 3 дюжины, 7) белого старого французского бочка, 8) красного ординарного бочка, 9) кагорского красного вина 40 бутылок, 10) пива аглицкого 100 бутылок и 11) 7 погребцов разных, в каждом по 12 штофов с заморскими водками и ликерами.

Прошел слух, что у митрополита было найдено в большом количестве женское платье»⁶¹.

О недостатках церковной аристократии обличительные памятники говорят часто весьма осторожно, так как открыто разоблачать высших иерархов было невыгодно, да и небезопасно. Обличитель пороков высшего духовенства очень легко мог быть обвинён в каком-нибудь проступке против догмы православия и сослан в какой-нибудь отдалённый монастырь в заточение.

Также и светская власть щадила своих помощников, «*ласкателей и потаковников*»,

---

⁵⁸ Стр. 386.

⁵⁹ Ив. Преображенск. стр. 67.

⁶⁰ Павлов. Сек. стр. 132.

⁶¹ Розан. 332-335.

оберегая их авторитет.

Если где-либо попадался игумен непьющий, то монахи недолго терпели его, так как такой настоятель мешал и им предаваться «упиванию»; он очень быстро смещался, а на его место выбирался кандидат, подходящий для большинства монахов.

Попытки исправления нравов духовенства путем административного воздействия очень любопытны.

Уже митрополит Иоанн в своих канонических ответах (1080-1089) говорит, что священников, предающихся пьянству, следует лишать сана. Эту же меру воздействия в отношении безмерно упивающегося духовенства предлагает и Владимирский собор 1274 года и Виленский собор 1509 года. Последний содержит следующее постановление по этому поводу: «Аще ли священник начнет дом свой держати в небрежении, безчинно, или церковные хвалы, божественные службы, не будет полнити по уставу, или упиватися... у такого бесчинника церковь отнати и отлучити»⁶².

Для наблюдения за поведением духовенства Стоглав учредил специальный институт поповских старост, на обязанности которых лежало не допускать пьянства среди духовенства. Поповские старосты, согласно инструкции, должны были о всех священниках, которые «учнут жить в слабости и пьянстве и в прочих неподобных делах, или учнут глумиться мирскими кощунами и ходить на мирская позорища, или в корчмы ходить, а о церкви божьей небрежи», – сообщать архиерею для предания виновных суду и лишению сана.

Впрочем, и сами старосты не выдерживали соблазна и предавались пьянству: в этом случае доносить на провинившихся, которые «начнут пренебрегать священными правилами, упиваться и бесчинствовать», должны были сами священники.

Запрещая в монастырях держать «пьянственное питье», Стоглав разрешает монахам употребление, во славу божью, «фряжского вина».

Так последовательно проводил Стоглав свою «противоалкогольную» политику.

Постановления Стоглавого собора были так же безрезультатны, как и более ранние: священники и монахи бесчинствовали на улицах до такой степени, что светская власть уже издаёт специальный указ о задержании всех появляющихся в пьяном виде на улицах и бесчинствующих священников.

В следующем за Стоглавым собором году был издан дополнительный указ к судебнику об иноках, которые «забыв страх божий и презрев священные правила, царскую заповедь, и соборное уложение, учнут по корчмам ходити, и в пьянство упиватись и по двором и по улицам скитатись пьяны, или учнут сквернословити, или матерны лаяти кому, на соблазн мирским человеком или пьяны учнут битись и драться». Бесчинников из духовенства предложено было подвергать такому же наказанию, как и прочих бесчинствующих бражников: «Брать царскую заповедь по земскому обычаю» и сверх того ссылать в монастыри для усмирения по монашескому чину⁶³.

Церковное начальство, не удовлетворяясь пьянством за монастырскими стенами, часто разъезжало по монастырским сёлам «для большей прохлады», где предавалось «безмерному упиванию» за счёт своих крестьян. Стоглавый собор пытался положить конец этим путешествиям монастырского начальства по своим вотчинам и ограничил их право объезда одним разом в год⁶⁴.

Церковные старосты не выполняли возложенных на них обязанностей по наблюдению за нравственностью духовенства; инструкция старостам – чтобы «во пьянстве бы попы и дьяконы не упивались» – много раз повторяется. Соборным приговором 1594 года институт

---

⁶² А.И. I, №289.

⁶³ А.И. I, 154.

⁶⁴ Ст. гл. 49.

поповских старост и десятских, призванных «для церковного благочиния и всяких ради потреб церковных», вновь подтверждается, причём ему предлагается следовать: «А бесчиния б всячески в божьих церквах не именовалось и священники б и дьяконы не упивались и бесчинно не ходили»⁶⁵. Всего было учреждено восемь старост поповских, а при них 40 попов и 4 дьякона.

При царе Фёдоре Ивановиче, сыне Ивана Грозного, пьяницы и бродяги из монахов дошли до такого безобразия, что бывший при нём собор счёл необходимым организовать специальный «изолятор» для пьянствующего духовенства. В постановлениях собора читаем: «Из монастырей монахов не выпускать. А которые чернецы в монастырях не живут и бесчинствуют по Москве и в городах, ходят по кабакам, по корчмам и мирским домам, упиваются до пьяна и валяются по улицам, на таких бесчинников Троице-Сергиева монастыря власти должны возобновить бывший Пятницкий монастырь, огородив его высоким стоячим тыном... в этот монастырь бесчинников сослать».

Даже такие «изоляторы» для алкоголиков из духовенства не помогали, и церковное начальство, не будучи в состоянии справиться со своей бесчинствующей братией, обращается к правящим классам за помощью. В этом отношении любопытен ряд памятников, рисующих всю беспомощность церковного начальства в деле управления своевольной братией⁶⁶.

Одна грамота XVII столетия в весьма категорической форме запрещает держать в монастырях «винное питье», а вместо него предлагает удовлетворяться пивом и квасом медвенным, бесхмельным и непьянственным; за несоблюдение этого распоряжения грозит даже отобранием в государство монастырских вотчин: «А буде вперед същется в которых монастырях вотчинах учнут вино сидеть, и те монастырские вотчины будут взяты на государя безповоротно, а властем быти в великом запрещении и смирении»⁶⁷.

Это запрещение гнать вино под угрозой отобрания вотчин продиктовано, впрочем, не столько мерами охраны церковного благочиния, сколько защитой государственного винокурения, серьезную конкуренцию которому составляло винокурение церковное⁶⁸.

В Угрешском монастыре все монахи предавались пьянству. По донесениям игумена Иллариона того монастыря наместник иеромонах Иосиф, строитель иеромонах Арсений и некоторые монахи были привезены в консисторию и представлены перед собранием: «И усмотрены, как видно по самой их слабости и бесстрашию пьяны», за то наказаны – наместник и строитель – содержанием в оковах, а прочие – плетьюми. Четырём монахам, Данилова монастыря определено: «За пьянство учинить в том монастыре при собрании всей братии жестокое наказание плетьюми, а для того послать секретаря»⁶⁹. Та же консистория вынесла постановление «оним монахиням (Варсонофьеского монастыря) за невоздержанное житие в том монастыре при собрании всех сестер, учинить нещадное плетьюми наказание, а для того послать канцеляриста».

Окружный патриарший наказ 1646 года также обращается к духовенству с призывом «от пьянства и злобы удалиться» и предлагает «протопопов, попов и дьяконов, которые учнут пити и ходити бесчинно», смирять всеми доступными мерами; впрочем, этот наказ не указывает, какими мерами, кроме смирения, церковное начальство вправе располагать.

Собор 1681 года, по жалобе царя, что «монастырское крепкое житие упразднилось»,

---

⁶⁵ А.А.Э. I, стр. 360.

⁶⁶ См. А.И. IV, №62. А.А.Э. IV, 37, 188, 322, 325, 328.

⁶⁷ А.А.Э. IV, 253, 1682 г.

⁶⁸ Розанов, прим. 207.

⁶⁹ Розанов, прим. 299.

вновь возвращается к церковному пьянству и выносит по этому поводу ряд постановлений. Так же, как и в предыдущих постановлениях, собор ограничивается лишь описанием фактов церковного бесчинства и предлагает смирять провинившихся мерами монашеского воздействия, допуская более крутые меры лишь в отношении совершенно неисправимых.

Лишь в отношении бесчинствующих вдовых священников собор допускал крутые меры воздействия – «извержение по правилам», т.е. лишение сана. По выражению собора, эти священники «упиваются безмерным пьянством и дерзают бесстрашием не отрезвися служить божественную литургию и прочие церковные службы, действуют пьяные и от такого бесчинного таинства в покаяние не приходят и не престают, и божественные писания не внимают, и архиерейские запрещения презирают»⁷⁰.

В некоторых случаях за появление в пьяном виде назначается штраф, причём при повторных случаях штраф увеличивается. Так, в указной грамоте новгородского митрополита Евфимия архимандриту Иверского монастыря Антонию читаем: «Тебе... учинить заказ... чтобы игумены, черные и белые, попы и дьяконы, и старцы и черницы, на кабаки не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не ходили и не валялись б, а буде кто из тех чинов учнут на кабак ходить и пить до великого пьянства, и за то править пени, с первого привода по полтине, со второго по рублю, с третьего по два рубля и семи алтын»⁷¹.

Для полной оценки вопроса о церковном «упивании» и мерах борьбы с ним – остановимся несколько на борьбе между церковным и царским винокурением⁷². Для обслуживания «пьянственным питьем» огромной массы духовенства, к тому же нуждавшегося для утоления своей «жажды» в больших количествах вина, нужно было огромное количество всякого рода вина, монастыри пришли на помощь своей «страждущей братии», занявшись производством вина в массовом размере.

Размеры монастырского винокурения не могли не беспокоить царскую власть, особенно с введением «кружечных дворов», поэтому царизм ведёт борьбу с монастырским винокурением, защищая свой собственный «пьяный» бюджет.

О размерах монастырского винокурения можно видеть из следующих фактов. С запрещением в 1681 г. монастырям гнать вино, – некоторым монастырям, в изъятии запрещения, разрешено было производить винокурение в пределах собственной потребности. Эта потребность для Саввинского монастыря составляла, например, в 1683 г. 2400-2700 вёдер вина, причём это количество получалось из 300 четвертей ржи; для Сергиевской лавры потребность в вине составляла до 3000 вёдер вина в год, и это количество лавра имела возможность беспошлинно ввозить⁷³.

Запрещение монастырям заниматься винокурением не выполнялось, и запрещение это много раз повторялось, таково постановление 1694 года с предложением закупать вино на кружечных дворах; таково постановление 1740 года.

Как иллюстрацию к этой своеобразной борьбе с монастырским винокурением, в основе которой лежало стремление уничтожить церковное кормчество, приводим грамоту архиепископа Вологодского Маркелла на Белоозеро с запрещением курить вино в монастырях.

Архиепископ пишет своим подначальным, чтобы: «...В монастырских вотчинах служки и старосты и крестьяне вин отнюдь не курили, и судов винных не держали, а в уезде

---

⁷⁰ А.И. V, 75.

⁷¹ А.И. V, 247.

⁷² Подробнее см. об этом нашу статью в журнале «Атеист» за 1929 г. март «Церковь и царев кабак», стр. 78-101.

⁷³ П.С.З. XII, №8960.

в монастырских вотчинах попы и дьяконы и церковные причетники и бобыли, которые живут на церковных землях, вино не курили и судов не держали, чтобы мимо кружечных дворов проданного питья не было и от него... казне порухи не чинилось, и всякое дурно не множилось»⁷⁴.

С монастырей отбиралась подписка, что они не будут заниматься винокурением, причём несоблюдение этого влекло за собой наложение штрафа.

Запрещая винокурение в монастырях, государство пользуется, однако, хорошо налаженным монастырским аппаратом для нужд собственного винокурения. Так, грамотой 1669 года Савва-Сторожскому монастырю предложено было представить в распоряжение «Сытного дворца» и «сытников» как самогонные аппараты и рабочую силу, так и необходимое «сырьё»: «И вы бы им для медвянных ставок и пивного и квасного и бражного варения, работных людей и суды и иное, что к тому варению понадобится, велели давать по сему... указу»⁷⁵.

В другом случае, по царскому приказу снимаются котлы для винокурения и запечатывается питьё⁷⁶.

Несмотря на предпринятые меры против винокурения в монастырях, борьба с ним была всё же очень трудной, так как монастыри, ввиду большого спроса на вино, производили его не только в размерах, необходимых для удовлетворения собственной потребности, но и для продажи населению. И понадобилась упорная борьба с церковными самогонщиками, чтобы уменьшить монастырское винокурение и приучить духовенство к цареву кабаку.

Но если уменьшилось количество вина, выгоняемого монастырями непосредственно, то сокращение собственного винокурения нисколько не отразилось на потреблении вина, и духовенство, как мы видели выше, пило в ужасающих количествах. И это «безмерное упивание» наложило отпечаток на весь быт русского духовенства.

Говоря о недостатках современного ему духовенства Максим Грек заставляет «бога» дать следующую характеристику своим служителям, погрязшим в пьянстве и прочих пороках: «Священницы мои и моего нового Израиля наставницы, вы и объедаетесь, и упиваетесь невоздержно и земной яростью друг друга досаждаете, суетному спору от многого винопития воздвигшуся и зельне избесившу вас, да еще во дни божественных праздников моих, едва подобаше наипаче трезвиться и благочинно жити и иные такожде в ту же ревность спасенную привлечити, образом трезвения вашего; вы же учиненные моим мановением праздника во славу убо и в честь мою, вам же во святыни и жития доброго исправления, пьянству и бесчинию вины творите, зело нелепотно бесчинствующе в них»⁷⁷.

---

⁷⁴ А.А.Э. IV, 118.

⁷⁵ А.А.Э. IV, 173.

⁷⁶ А.Э. IV, 37.

⁷⁷ Преобр. стр. 76.

«Блудное объядение»

Доказывать, что наше духовенство любило обжорство и что своё насыщение оно ставило выше всех других вопросов,— вряд ли приходится. Лишь для полноты характеристики церковных нравов мы скажем несколько слов об этой стороне церковной жизни.

О высшем духовенстве, конечно, уж не приходится и говорить.

Здесь вопросы «объядения» занимали весьма видное место, и многочисленная челядь, окружавшая церковную знать, добросовестно удовлетворяла аппетит своего начальства.

Чтобы составить хотя бы приблизительное представление о столе церковной аристократии,— приведём, пользуясь свидетельством источников, данные *о меню* русского патриарха. Это меню лишний раз подтверждает всю серьёзность обвинения самим царём Иоанном Грозным русского духовенства в том, что жизнь его «изобилует обжорством, праздностью, грабительством, *что духовенство гораздо хуже скотов*».

Вот, например, что было подано к «скромному» будничному столу патриарху Андриану 4 сентября 1690 года: «Икра зернистая, икра белой рыбыцы. Вязига под хреном. Прикрошка телная. Присол щучей. Присол стерляжей. Щука паровая. Лещь паровая. Язь паровой. Линь паровой. Схаб белужей. Кружок телной. Збитель. Шти с кашей. Уха окуневая. Пирог косой. Уха карасевая. Потрох. Пирог долгие. Щука колодка. Звено белой рыбыцы. Пышки. Полголовы осетрии. Олады путные. Звено ставное. Сырники. Блины тонкие. Блюда карасей. Блюдо прежья. 2 леща паровые. Стерлядь паровая. Язь паровой. 2 плотицы на масле». Это был, правда, стол «скромный». Постный стол был значительно «скромнее». В него входило: «икра зернистая, вязига, грузди гретье, шти со снятками. Галушки. Калья (похлебка с паюсной икрой и огурцами). Лапша. Пирог с вязигой. Блюдо оладий. Пирог долгие. Блюдо прежья. Блюдо карасей».

Да не подумает читатель, что приведённое нами патриаршее меню составляло что-нибудь исключительное. Это было обыкновенное «будничное» меню, праздничный же стол был значительно богаче.

Вот, например, каков был воскресный стол 21 октября: «Икра зернистая. Икра белой рыбыцы. Вязига под хреном. Прикрошка телная. Прикрошка осетря. Присол щучьей. Присол стерляжий. 2 звена белой рыбыцы. 2 схаба белужья. Збитель. Оладья телная. Шти с кашей. 2 уха карасевые. Пирог рассольный. 2 уха подлещиковые. Пирог косой. 2 уха окуневые. Пирог с телесы. 2 уха плотицы. Пирог с белой рыбыцей. Потрох. Пироги подовые. 2 щуки колодки. Олады путные. Полголовы белужьи. Пышки. Полголовы осетрии. Сырник. 2 звена ставные. Блюдо карасей. Блины тонкие. Блюдо прежья»⁷⁸.

Конечно, такое «скромное» меню было не под силу престарелому патриарху. Справиться с сытными блюдами, обильно поливаемыми к тому же всяким «пьянственным питьём»,— помогали патриарху различные чиновники, составлявшие двор патриарший.

Высшее духовенство также не отличалось особенным воздержанием в своей пище и стремилось «в отраде и славе и всяком покое всегда жить». Те самые нестяжатели, которые подняли борьбу за «чистоту» церковного общества, за отказ от «стяжаний» — недвижимой собственности, были также любителями хорошо поесть и попить и никак не могли служить примером церковного воздержания. Говоря о печальном положении духовенства, обличитель нестяжателей Зиновий так описывает быт сторонников идеи нестяжания: «Видал я при дворе великого князя называющих себя нестяжателями, у которых в кошельке было по 1000 серебрянных монет и больше, которые ели хлебы пшеничные, чистые и мягкие, икры белые и черные, вязиги белужьи и осетринные, белых рыбыц и паровых рыб, уха белые, черные и красные, овощи у них были: смоква, станиды, (изюм), рожки, сливы, вишни, дули, яблоки; а

---

⁷⁸ Н. Писарев. Домашний быт русских патриархов, К. 1904, стр. 178-179.

приправы: инбир, перец, корица... Одежды мягкие, теплые и легкие»⁷⁹.

Если таков был стол высшего духовенства, то и стол «дворян от духовенства» немногим ему уступал. Устав Иосифа Волоцкого различал три вида пищи для монахов своего монастыря, в зависимости от социального положения монахов: 1) хлеб-соль и вода, 2) варево и 3) калачи и рыбное. Однако уже очень скоро сам Иосиф монастырь позабыл устав своего основателя и ввёл трапезы, далеко не похожие на скромный стол, предусмотренный уставом.

Вот, например, расписание стола Волоколамского монастыря, правда, праздничного (8 сентября), сохранившееся в церковных памятниках: «В трапезе скатерти-настилки белые, хлеб кладут осьминки, да калачи целые по солонкам, а шти белые, да рыба двоя добрая – со зваром, и с хреном, или с горчицей, да каша молочная, а квас медвен». На праздник памяти Иосифа монастырский стол составлял: «В трапезе на братью утешение великое, настилки белые, шитые, а калачи белые, а рыбы троя: в сковородах свежая да по сковородам просола добрая двоя, да сельди переяславские, и масляное обои – и пироги и оладьи с медом и квас медвен»⁸⁰.

Такой стол был типичен для многих богатых монастырей, особенно тех, кто имел значительную недвижимую собственность и не стеснялся в средствах. Дошедшие до нас два устава о трапезах Троице-Сергиева и Тихвинского монастырей⁸¹ содержат подробное расписание по дням пищи и питья монахов и дают материал для ознакомления с этой стороной монашеской жизни. На этих монастырских обедах и ужинах подавались, между прочим, как видно из уставов, следующие блюда и напитки: «Хлебы белые ржаные и пшеничные, колачи, щи капустные, ботвинья, борщ, уха, лапша молочная, лапша с перцем, каша овсяная гречневая, с головизнами, тертая, с соком, молочная, куличи, блинчатые пироги, пироги с маком и с рыбой, с яйцами и сыром, с морковью, горохом и репой, сиги, леши, караси, лососина, сельди, щука под чесноком, судаки, осетрина свежепросольная, яишница, яйца, икра, кисель с молоком, кисель с медом, ягоды, изюм, сухари, орехи, оладьи, блины с медом и пр., квас, мед, пиво, сыченое вино».

Таков был тот разнообразный монастырский стол, которым питались монахи в своём монастырском уединении. Но в действительности монашество не удовлетворялось даже этими уставами и требовало себе дальнейших послаблений.

Послабления делались прежде всего по отношению к тем богатым жертвователям-вкладчикам, которые, уходя в монастырь, «покоя ради», – меньше всего склонны были ограничивать себя в своих привычках. В угоду таким монахам и менялись монастырские уставы. Стоглавый собор посвятил им целую главу (52-ю), чтобы обосновать их права на неподчинение монастырскому уставу: «... Так как в великих честных монастырях стригутся князи и бояре и приказные люди великие... и дают выкупы и села вотчинные, то на них за немощь и старость законов не полагать о трапезном хождении и келейном ядении, а покоити их по рассуждению ествой и питьем». И как «покоила» себя эта часть монашества – видно хотя бы из обличительного письма Иоанна Грозного в Кирилло-Белоозёрский монастырь, где он указывает, как устраивались в этом отношении монахи, оказавшиеся в монастыре по своей ли, или по чужой воле...

Ещё в церковном правиле, приписываемом митрополиту Иоанну, мы встречаем следующее обличение духовенства, любителей «объядения»: «О горе вам, яко имя мое вас ради хулу принимает в языцех, иное в монастырех часто пиры творят, созывают муже вкупе с жены, и в тех пирех друг другу преспевают, кто лучший творит пир».

Устройство таких пиршеств, да ещё в больших размерах, было далеко не единичным

---

⁷⁹ Преображ. стр. 131.

⁸⁰ Ст. и Нов. Россия 1880 VII. Жмакин В. Поездка в Волоколамский монастырь.

⁸¹ Доп. А.И. 1, №135, 1590 г.

явлением. Древнерусские лукуллы из духовенства умудрялись попадать из-за своих беспутных пиршеств «в печать», т.е. в древнерусские памятники, вследствие чего мы и можем восстановить эту сторону церковной жизни.

Исчерпывающая характеристика обжорства духовенства дана митрополитом Даниилом в его обличительных словах: «Почто братие, гордимся и возносимся, и сами себя прельщаем, ища власти игуменства, или епископства, страстни суще и немощни на таковая величества восходити? Для чего мы этого ищем? Для того ли, чтобы есть и пить многоразличная и драгая и сладострастнейшая, или злата и серебра, и многая богатства и имений собирати; или веселиться и прохлождаться, и возноситься, составлять пиры и созывать на обед славных и богатых, и напрасно истощать на тунеядцев монастырские доходы, яже церкви и церковным потребна б и станным и нищим. Мы призираем это, и церковные доходы изъедаем со славными, и богатыми, и тунеядцами»⁸².

Иностранец Петрей отмечает, что монахи проводят жизнь в сластолюбии и пьянстве, и что средства, получаемые от эксплуатации церковного имущества, а также вклады постригаемых, служат лишь для суетности, невоздержанности и обжорства. Такие же обвинения бросает русскому духовенству, преимущественно монашеству, и ряд критиков и обличителей церковного неустройства.

Обличитель церковных стяжателей, Вассиан, говоря о господствующим нравах среди духовенства, возвышается даже до публичного ошельмования эксплуататорской роли церкви. «Какая может быть польза, – говорит он, – благочестивым князьям, принесшим все это (церковные богатства) богу, если вы употребляете приношения неправедно, и лихоимственны, совершенно вопреки их благочестивому намерению? *Сами вы изобилуете богатством и объедаетесь*, сверх иноческой потребности, а братья наши крестьяне, работающие на вас в ваших селах, живут в последней нищете...»⁸³.

Максим Грек в своём слове по случаю пожара 1537 года, написанном из тверского заточения, вкладывает в уста «бога» следующую обличительную проповедь против современного ему духовенства: «Если я у вас на иконе ношу золотой венец, за то в жизни погибаю от холода и голода, тогда как вы *объедаетесь, упиваетесь, и в светлые одежды облачаетесь*... Вы честные дары доблестных и богатых вельмож расточаете на различные наслаждения душ ваших, на украшение своих одежд, на богатые пиршества»⁸⁴.

Имея в бесконтрольном распоряжении «весь покой монастырский, богатство и всякое изобилие», монастырское начальство старалось извлечь все выгоды сосредоточения в своих руках значительных материальных средств.

Не раз цитируемый нами обличитель церковных нравов князь-инок Вассиан так характеризует монашескую жизнь: «Мы, многогрешные и прегрешные иноки, возлюбив иночество и отрешись этого мира и всего, что в нем, *носим на себе только* образ иночества. В иноческом образе мы строим себе каменные ограды, и палаты, позлащенные узорами, со травами многоцветными, украшаем себя в кельях царские чертоги и берем с мира все лучшее и *покоим себя пьянством и пищей*, достаемой нам из рук трудящихся на нас. Мы, по зависти, лишаем мирян лучшей пищи; а по справедливости лучшая пища и питье принадлежит мирянам, *работающим на нас, не нам, инокам*»⁸⁵.

Но было бы неправильно думать, что таково было положение всего духовенства. Так жило и объедалось, конечно, высшее духовенство, а также духовные «дворяне», количество которых было, правда, очень велико. Низшее же духовенство – приходские священники,

---

⁸² Преображ. стр. 70.

⁸³ Павлов. Очерк секуляризации стр. 71.

⁸⁴ Преображ. стр. 106.

⁸⁵ Что О-ва Ист. и Др. 1859 г. III.

причётники, низшее монашество – не пользовалось столь большими благами и вынуждено было ограничиваться худшей долей. Это духовенство эксплуатировалось, в свою очередь, своими старшими собратами до такой степени, что оно вело подчас полуголодное существование. По свидетельству Зиновия Отенского пищей для этих монахов-чернорабочих был «хлеб овсян не сеян или класы ржаные толчены, питье же вода и варение имеющих капустное листовие».

Именно из этих кругов выходило бродячее духовенство, представители которого «по миру волочились и жили в миру и не знали, что слово монастырь» и которое затем доставило много хлопот духовному начальству.

Картина «тихого монастырского жития», которую мы обрисовали, является столь типичной для уклона жизни всего нашего духовенства; церковное «объядение» охватывало столь значительные слои духовенства, всех видов, что не упоминать о нём, говоря о нравах русского духовенства, не представляется возможным.

Именно на фоне «объядения и безмерного упивания» вырисовываются прочие, столь характерные особенности в быту нашего духовенства.

«Плотское похотение»

Отдавая дань прочим человеческим «слабостям», духовенство и в половом вопросе не было на высоте и усердно занималось разрешением этой проблемы в специфически церковных условиях.

Уже из беглого знакомства с историческими документами приходится сделать вывод, что русское духовенство в этом щекотливом вопросе оказалось ничуть не скромнее своих западноевропейских собратьев. Разврат среди духовенства принимал столь большие размеры, что эта сторона жизни духовенства, наряду с прочими пороками, делала его притчей во языцех для современников...

Конечно, эти особенности церковной жизни, чрезмерное увлечение «женским» и вообще половым вопросом (эту поправку приходится делать, учитывая пристрастие духовенства и к не-женщинам, о чём ниже) характерно не только для рассматриваемой нами эпохи, но и для духовенства современного.

Но в отличие от дооктябрьской эпохи, когда всякий недостаток среди духовенства подвергался обязательному замалчиванию, нравы до XVIII века были значительно проще и откровенней. И этой простоте нравов мы обязаны тем, что до нашего времени дошли в подлинниках исключительные акты, которые дают нам возможность разоблачать, основываясь на документах, истинное лицо духовенства, ведущего именно «монашеский» образ жизни.

Женщины так основательно эротически «возмущали» наше духовенство, что иностранцы, посещавшие Московское государство, неизменно останавливали своё внимание на этом «увлечении» и отмечали виденные ими бытовые картинки в своих записках.

Вот как, например, отзываясь о монастырских нравах иностранец Мейерберг, оскорблённый в своём целомудрии при ближайшем знакомстве с нашими монастырями: «Тогда как в семействах, пишет он, женская половина ограждается если не стыдом, то строгим заключением, в женских монастырях не соблюдаются священные установления. Ограды женских монастырей не запираются никакими замками. Таким образом любопытный пол, не стесняясь ни какими препонами, допускает в свои обители мужчин и, по окончании службы, которая оканчивается еще до рассвета, свободно бродит по городу. Так как монастыри не берегут стыдливость и честность, то чувственность заграждает доступ каким бы то ни было увещаниям: он дает полный простор своим пожеланиям и, поддаваясь без разбора всем увлечениям, стремится в бездну беславия, оскорбляя таким образом всякое благородное чувство и уничтожая благородное покрывало»⁸⁶.

Как рассказывает иностранец Корб, монахи открыто предаются сладострастию на улицах, «лишившись всякого стыда».

Эти проявления монашеского темперамента могли быть доступны для иностранцев только в некоторых случаях; практика, существовавшая в этой области во всех слоях духовенства, на самом деле была значительно богаче и ярче, чем те скудные наблюдения, которые запечатлены в записках иностранцев. И нужно отдать справедливость русскому духовенству, что в этой области, как и в области безмерного упивания, оно обнаружило значительное «дарование», возвышаясь нередко до блестящих «подвигов».

Злостное использование духовенством своего влияния достигло таких размеров, что церковное начальство вынуждено было насторожиться. Так, церковными правилами стало уже запрещаться священникам, не пришедшим в «целомудренную старость», принимать к себе на исповедь лиц женского пола, «да не помышлением соблажняется, ибо дьявол со женами творит брань людям». Только священнику, пришедшему в старость и имеющему жену, разрешалось принимать на исповедь женщин. «Юной же иерей отнюдь да не посмеет прийти ни едину душу, понеже слепец слепца водят-оба в ров впадется». Правила

---

⁸⁶ Преобр. 126.

устанавливают также, что женщина при исповеди должна стоять с покрытой головой, «в прусте церковном» (на паперти), причём двери наружные должны быть открыты «соблазна ради». Была установлена специальная епитимия, если церковник поцелует женщину: «Аще чернец поцелует како жену, пост 40 дней, и поклонов 80 на день».

Но даже столь «суровое» наказание не избавляло духовенство от искушений дьявола в образе женщины, и такому искушению подвергалось не только низшее духовенство, но и церковная аристократия. Как видно из грамоты 1634 года, архиепископ Суздальский Иосиф был отправлен в Сийский монастырь на жительство за бесчинство: «Что он живет не по святительскому чину, делает многие непристойные дела»⁸⁷.

Вопросу о церковной нравственности уделяли большое внимание церковные обличители того времени.

Проповедники эти, отдавая дань необходимости, спускаются даже до обсуждения некоторых интимных подробностей в этом вопросе и с серьёзностью пытаются установить господствующую точку зрения.

Митрополит Даниил даёт совет духовенству, чтобы избавиться от искушений, «бежать сонмищ лукавых, бежать мудрований плотских и собраний прелюбодейных». Тот же Даниил посвящает целое послание вопросу о произвольном извержении, «истициании»; приведём одно место из его поучения, посвящённое ограждению нравственности духовенства, где он категорически запрещает «осязати кое что от удов, яко се, или за руце кого держати, и мягкостью и гладкостью услажатися, или главу обымати, и ланите приимати и осязати, и не яко желая плотского похотения, но яко от духовные любве маяся сие творити, или от жалости на котором показая ситцевая, или забывся, и по мало малу приходит пострекание, и растет страсть и скоктание, и мокроту многажды во сне и на яве содевает». Как видно из описания, Даниил оказывается большим знатоком в этом деле.

Даниил устанавливает также епитимию – «пост три недели, а поклонов по ста» за такие прегрешения – «еще рукою тыкнувше в лоно жене, или ногою, или сквозе платье блуд сотворивши, или пьяной или сонной».

Даниил договаривается в одном из своих поучений до того, что рекомендует оскопление как единственный способ избавления от искушения; между тем, русская церковь оскопление считает непростительным грехом.

Было бы ошибочно, однако, думать, что половая распущенность духовенства особенно развилась в период перехода к капиталистическому хозяйству, и что ранее, в феодальный период, нравы духовенства были чище. Только при значительной половой несдержанности могли возникнуть такие требования ко вновь посвящаемым во священство, какие предъявляет, например, Владимирский собор 1274 года. В числе прочих испытаний, назначаемых посвящаемым, Владимирский собор считает необходимым тщательную проверку и в отношении его половой жизни: «Испытати их о вещех греховных, егда в блуде содомством были будут; *ли со скотиною*, ли в руку согрешение, или в татьбе, разве аще не детского, ли преже поятия жены своя растлить девство, ли со многими... будет, или от своя жены законные блуд сотворил будет... Аще кто от преждереченных сих вин хотя единого ят будет,— таковые их не может быть поп, и ни дьякон ни причетник».

---

⁸⁷ А.А.Э. III. 249.

«Содомская пагуба»

Мужеложество было развито среди духовенства, преимущественно чёрного, что объясняется особенностями монастырской жизни.

Однако и белое духовенство отдавало достаточную дань этой гнусности. Среди духовенства «содомская пагуба» особенно распространилась в XVI веке, как можно видеть из настойчивых обличений порока именно в этот период. Но и ранее, ещё в XIII веке, встречаем мы указания на склонность духовенства к содомской пагубе.

давая ряд наставлений об испытании лиц, посвящаемых в священники, Владимирский собор 1274 года, прежде всего, считает необходимым испытать о «вещах греховных, егда в блуде содомском были будут». Начиная же с XVI века, редко можно встретить какое-нибудь «слово», где бы ни указывалось, и в довольно резкой форме, на этот порок «содомского блужения» и где бы ни обличалось, «аще к юным отроком любовь», где бы ни было увещания «содомского греха блюстись».

Было бы неправильно, конечно, думать, что это «содомское блужение» было свойственно только духовенству: в светском обществе, особенно в высших классах его, широко была развита педерастия. Но всё же именно духовенству принадлежит «честь» культивирования «содомской пагубы» в широких размерах.

В одном обличительном послании митрополита Даниила о поклонниках «доброзрачных иноков» мы встречаем следующее любопытное описание жертвы общественного темперамента. «Волосы твои не только зрезаешь бритвой и с плотью, но и щипцами исторгаешь их из корня и не стыдишься выщипывать; позавидовав женам, мужское свое лицо претворяешь на женское. Или весь хочешь быть женою? Если не хочешь, то за чем волосы бороды твоей или ланит твоих щиплешь, и не стыдишься истогать из корня, а лицо твое много умываешь и натираешь, и делаешь ланиты твои червленными, красными светлыми. Желая насытиться блудными страстями и весь ум твой непрестанно отомимся, ты слугам своим на сии блудные бесовские деяния много серебра и злата истощаешь. И что много исчислять? Ты всегда стремясь к блудницам, и сам себя для многих сотворил блудницею»⁸⁸.

В этом обличительном послании Даниила дана характеристика «блудницы» для высших классов, духовенство же удовлетворялось для своей «страсти» «доброзрачными иноками» поскромнее. Ещё в XIV веке в кодекс нравственных предписаний духовенству было внесено как борьба с этим пороком среди духовенства: «С юными детьми не дружитья и книгам их не учить». Уставная грамота 1526 года Новгородского архиепископа Макария Дуновского монастырю предписывает: «...И мирским людем, женам и ребятам к старцам не ходити, никоторыми делы... Также игумен Тихон, или кто по нем ины игумен будет... да держат у себя, в кельи, келейника чернца или дву чернцов; и робятам молодым по кельям, у игуменам и устарцев не жити»⁸⁹.

Иосиф Волоцкий в IX главе своего монастырского устава, говоря о вреде, который приносят юноши монахам, отмечает, что «не подобает в монастыри жити отрочатом голоусым» и категорически запрещает впускать их в монастырь по каким бы то ни было делам. «Голоусых ребят» Иосиф считает самой большой заразой для монахов: «Злейши бо суть жон отрочата на иноки».

Особенно резко и настойчиво обличает мужеложество у духовенства митрополит Даниил. У него редко встречается послание, где бы ни было совета «бежать от женщин и доброзрачных отроков».

---

⁸⁸ Мак. VII, 347.

⁸⁹ А.И. I, №292. Для исправления нравов Саввинской тверской обители выносится постановление «ниже отрочатом жити по кельям».

Старцу, снедаемому «содомской пагубой», Даниил даёт совет: «Не только совокупляться, ниже беседовать с тем, на которого восходила душевная любовь, и паче же на едине хранитися иже не беседовавши с ним не токмо не нужных, но и мыслящихся благословных бесед»⁹⁰.

В царствование Иоанна Грозного содомская пагуба получает ещё большее распространение.

В одном послании, приписываемом ближайшему помощнику царя Иоанна, попу Сильвестру, так бичуется этот порок: «Велико некако беззаконие внезапно воссташе,– пишет Сильвестр,– и мнози помрачишися безумием и обнародеша пьянством и всякими грехи, и изнемогаша совестью, житие свинское уллучиша, прелюбодеяние содомское постигоша, и таково прелюбодеяние, яко не во языцех именуется».

Подверженных этому пороку Сильвестр называет опасными для государства.

Так же смотрел на мужеложества и Иоанн Грозный, который указывал в своей речи на Стоглавом соборе, что «за содомский блуд и за всякую нечистоту многие царства исчезоша».

Отцы Стоглавого собора обратили внимание прежде всего на распространение содомской пагубы среди населения и постановили действовать на подверженных этому пороку поучением: «А содомские бы скверные дела в православных крестьянех... и всякая скверна никогда же не именовалось вашим священническим поучением и наказанием... и о тех о всех страшных и скверных и зазорных дел скаредных отцем духовным, священным протопопом и священником детей своих духовных на крепко испытывати и запрещати с великим истязанием духовным, чтобы никаких скверных и мерзких дел не творили и которые покаются и впредь обещаются, и вы бы их исправляли... а без епитемьи есте не прощали. А которые не исправятся, ни покаются, и вы бы их от всякие святыни отлучали и в церковь входу не давали, и приносу от них не принимали, дондеже покаются и престанут от зол своих»⁹¹.

Обличая так содомский грех и пытаясь его искоренить мерами «кроткими», Стоглав не мог пройти молчанием развитие этого порока среди духовенства. Отмечая, что «ребята молодые, голоусые, живут по всем кельям невозбранно, и ездят с чернецами по селам и по миру без всякого зазрения»,– Стоглав выносит постановление о запрещении жить юношеству в монастыре. Если же монах по старости или болезни не мог обойтись без услуг послушника, то Стоглав рекомендует с этой целью приглашать «имеющего браду».

Не имея возможности полностью изгнать юношей из монастырей, так как некоторое количество школ всё же существовало,– Стоглав рекомендует, чтобы монахи «наиболее учеников своих берегли и хранили во всякой чистоте, и сохраняли бы их всякого плотского растления, а в особенности от содомского греха и рукоблудия».

Говоря о недостатках духовенства, инок Вассиан отмечает: «А вот еще учинилось великое зло: некоторые (монахи), многим людям на соблазн и на смятение и погибель, скверное беззаконие творят – содомскую пагубу, за что от множества народов и от иноверных бывает поношение и укоризна вере».

Что постановления Стоглавого собора не дали никаких положительных результатов (как, впрочем, и все другие его постановления в области улучшения нравов духовенства), видно из того, что уже около 1575 года сам царь Иван IV так говорил на собрании церковных иерархов, обращаясь к этой своей политической агентуре: «Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете в удовольствиях и наслаждениях, позволяете себе ужаснейшие грехи, вымогательства, взяточничество и непомерные росты. Ваша жизнь изобилует кровавыми и вопиющими грехами: грабительством, *содомским грехом, вы хуже, гораздо хуже скотов*».

О росте содомской пагубы говорит также старец Филофей: «О третьей же (заповеди)

---

⁹⁰ Жмакин 717.

⁹¹ Стоглав.

пишу и плача горце глаголю, яко да искорениша из твоего православного царствия сий горкий плевел. Писано бо есть: преступает от своя жены разбирает плоть свою, а творяй содомская убивает сам плод чрева своего. Бог сотворил человека и семя на чадородие, мы же сами даем свои семена на убийство и в жертву дьяволу. Сия мерзость умнозишися не токмо в мирских, но и прочих, о них помолчу, чтый да разумеет». Легко понять, на кого намекает Филофей, говоря о «прочих»: это были монахи и даже высшие церковные чиновники, как, например, митрополит Зосима.

Таким образом никакие предписания не дружитья с «юными детьми» не помогали, и содомская пагуба процветала в монастырях.

Во время Никона производилось следствие по делу совершения мужеложества архимандритом над дьячком в церкви во время богослужения.

Как развит был этот порок в древнерусском обществе, видно из любопытного чина исповеди, представляющего очень ценный исторический документ: «Се суть, отце, согрешения моя; и чрез естественная плотская беззакония согреших от юности моя, растлеваю в детских растлениях содомским блудом». В этом чине исповеди содержится ряд вопросов о самых изощрённых формах разврата, с описанием таких подробностей, что мы не рискуем здесь их изложить, щадя скромность наших читателей.

Мы не собираемся, однако, доказывать, что русскому духовенству были свойственны какие-нибудь особые пороки, которых не знало современное ему общество. Напротив, недостатки духовенства были обычны для всего русского общества. Но тем важнее вскрыть эти недостатки, показать, что духовенство наше, страдая всеми недостатками своей эпохи, меньше всего могло претендовать на роль учителей и наставников общества.

«Особые стяжания»

Те особенности быта русского духовенства, которые изложены нами на предыдущих страницах, требовали, конечно, специальных средств, которые духовенство получало двояким путём: 1) путём эксплуатации населения, взимания за свои услуги, за магию, различных поборов, 2) путём эксплуатации церковного имущества, растраты его, обращения в личную собственность общецерковных богатств и т.д.

«На всякие свои потребности» духовенство, по выражению Вассиана, производило «кражу в собину», т.е. расхищало церковное имущество, обкрадывало свои церкви и монастыри. Церковь владела значительными богатствами, полученными как в результате вкладов при пострижении и на «поминок по душе», а также в результате ведения своего хозяйства на капиталистических началах.

Сребролюбие духовенства, стремление его к личному обогащению, бесцеремонное обращение с порученными ему церковными средствами «чтобы самим в отраде и всяком покое жить»,— эти особенности церковного быта не могли не обращать внимания современников. Стремление приобрести «стяжания всякие, стада скотские и всякие сладкие пицци» — свойственно было всем слоям церковного общества: и высшие церковные чиновники, эти, по выражению Иосифа Волоцкого, «сосуды сатаны и дьявола, предавшиеся чревоугодию, пьянству и содомству, открытые еретики», и монастырские игумены и старцы, и низшее духовенство,— все они по мере своих сил и возможностей растаскивали церковное добро на личные надобности. Памятники рассматриваемой нами эпохи сохранили много свидетельств о растратчиках из духовенства.

В 1606 году Василий Шуйский, узнав о различных беспорядках и злоупотреблениях, происходивших в Пермском Вознесенском монастыре, писал Пермскому воеводе, чтобы он «Черному попу, старцу Иосифу, велел быть в строителех, и от бесчиния старцев унимать»⁹². В 1609 году, во время осады Троицкой лавры, один из монахов её, Гурий Шишкин, ввиду определённых подозрений в растрате, произведённой монастырским казначеем, просил жившего тогда в Москве келаря лавры, Авраамия Палицина, произвести полную ревизию монастырской казны⁹³.

В 1630 году царь Михаил Фёдорович, узнав о злоупотреблениях «строителя» Чердынского Богословского монастыря, Трифона, писал Чердынскому воеводе, чтобы он «назначил на его место старца Герасима и велел произвести подробную опись всего монастырского имущества»⁹⁴.

В 1592 году митрополит Новгородский Варлаам, узнав, что в одном монастыре его епархии казначей Трофим и некоторые монахи распоряжаются монастырской казной самовольно и незаконно, написал грамоту, в которой предлагает монастырским властям «старца Трофима в монастырской казне счесть»⁹⁵. Отец Котошихина, бывший келарем в одном из московских монастырей, предан был суду за растрату; по решению суда дом и имущество, принадлежавшие Котошихину-сыну, были конфискованы в казну, об этом рассказывает сам Котошихин.

Игумен и старцы Новгородского Кириллова монастыря, как жалуется Мостицкий игумен Трифон, «государеву казну монастырскую учили давать по займам»⁹⁶.

---

⁹² А.А.Э. II, №56.

⁹³ А.И. I, 242.

⁹⁴ А.И. III, №162.

⁹⁵ А.И. I, №236.

⁹⁶ А.И. I. 292.

Старцы Чердынского монастыря писали в 1632 году царю и патриарху, что «был... у них в богословском монастыре прежде сего в строителях старец Трифон, и тот де, строитель... многие монастырские вотчины... воровством распродал, иные в заклад заложил, и монастырь опустошил»⁹⁷.

Любопытная жалоба игумена Кирилло-Белоозёрского монастыря на своеволие всесильного старца Александра, который «игумена и старцев соборных лает блядинными детьми... и строителем в Москве был... а отчету монастырской жизни не дал... и общежителство Кирилловское разоряет, слуги и лошади держит собинные, торгует себе на сабину».

Из грамоты 1606 года узнаём, что в Вознесенском Богословском монастыре монастырскими средствами монахи распоряжаются очень оригинально: «В монастыре они в казне денег не держат; кто что даст вкладу, им откуда какие деньги привезут, и они делят по себе, и от того богатеют, и книг приходных и расходных не держат, чтобы и не по чему было считать; а хлеба что упашут, и раздадут своим же посестрием и детем... (деньги) скопили крадучи из монастырского дохода, и отдают в рост в кабалы из ростов, а в монастыре строения никакого нет, а церковь и трапеза развалились, ни служб ни келий нет, а и строить некому»⁹⁸. Грамота 1613 года указывает, что игумен Иона закончил разорение Переяславского монастыря, разорённого поляками во время смуты, а «что было осталось образов и прикладов, риз и книг, а то все игумен пропил и сам из монастыря сшел».

Интересные сведения мы находим в грамоте 1639 года, обвиняющей царских чиновников Михаила Ладыжина и дьяка Федорова в невыполнении данного им поручения обследовать Спасо-Евфимиев монастырь. «В нынешнем году, – читаем мы в грамоте, – били нам челом Спасо-Евфимиева монастыря келарь старец Кирило, казначей Галактион с братьей, что послали вы для сыску и счету, и у архимандрита пируете, а архимарит у вас почасту, и завел у себя архимарит питье келейное, дворян и детей дворянских, государевых дворцовых сел и боярских и княжецких приказных людей, старост и крестьян скупает, а вы де сыщики ему архимариту во всем норовите и по его архимаричию научению братьев и служкам угрожаете и крестьян продаете, во всем его норовя архимариту, чтобы ему в нашем богомолье и впредь быть архимаритом, а наших богомольцев братью и служек и крестьян разогнать; и от того де ваших сыщиковых продаж и братья и служки и крестьяне разбрелись розно и соборные церкви и пределы оставили»⁹⁹.

Из этой любопытной грамоты мы видим, что даже при жалких потугах правительства устранить замеченные недостатки в монастырях, посылаемые на ревизию чиновники продавались церковным растратчикам, покрывали их и т.п.

Говоря об упадке Николо-Угрешского монастыря, историк его замечает, что причина упадка его была в недобросовестности его строителей. Игумен Варлаам жалуется на Угрешского келаря Георгия, что он продал за бесценок московское подворье, купленное за 1100 рублей, что он собирал с крестьян доходы не в монастырскую кассу, а в свою пользу, что он расхищал монастырское имущество, пока, наконец, не разорил окончательно монастырь и исчез неизвестно куда.

Разоряя монастырское хозяйство, обращая доходы монастырей в свою пользу, церковники не забывали также и свою младшую братию и облагали их всякими поборами в свою пользу.

Стоглав упоминает, что от духовных «десятинников и заезчиков», обязанных смотреть за дьяконами и священниками, была «нужда и продажа великая». Вымогая от низшего духовенства эти поборы, церковные чиновники за то делали ему ряд послаблений и смотрели

---

⁹⁷ А.А.Э. III, 202.

⁹⁸ А.И. II, №56.

⁹⁹ А.А.Э. III, 207.

сквозь пальцы на грешки своих младших братьев, за нравственностью которых и за исполнение ими их обязанностей они обязаны были «дозирать». В постановлениях Стоглавого собора находим очень яркую оценку этой деятельности высшего духовного начальства: «Бояре и дьяки и тиуны и десятильники и недельщики судили и управу чинили не прямо, а волочили, и попов по селам продавали без милости, и дела составляли с ябедники; по сговору с жонками и девками чернцов и на попех и на мирянех силы искали и соромоты¹⁰⁰.

Зато и «священники бедные и братьи», будучи «алчны и жадны и всячески беспокойны», в свою очередь также не оставались в долгу, и всю тяжесть поборов переносили на население, с которых вытягивали всякими способами последние гроши.

Церковное сребролюбие вызывало ожесточенную борьбу, хотя и неуспешную, со стороны ревнителей церковного благочестия и устроителей церковной жизни.

Известный обличитель церковных стяжателей, Вассиан, так характеризует современное ему церковное общество: «Господь сказал: роздай имение твое. А мы, войдя в монастырь, не перестаем, по нашему безумию, всячески приобретать себе чужие села и имения, то бесстыдно выпрашивая у вельмож лестью, то покупая. Сделавшись, таким образом, вопреки заповеди, господами чужих имений, мы считаем за великую правду и добродетель постоянно увеличивать их, и вместо того, чтобы безмолствовать и питаться своим рукоделием и трудами, беспрестанно разъезжаем по городам и заглядываем в руки богатых, лаская их всячески и угождая, чтобы какнибудь получить от них село или деревеньку или какую животину»¹⁰¹.

Эти стяжательские стремления вызывали частые изменения в существующей сети мелких монастырей, когда иссякли их источники, и старцам поживиться в них было нечем. Как отмечает Стоглавый собор, «старец в лесу келью поставит или церковь срубит, да пойдет по миру с иконою просить на сооружение, а у меня (царя), земли и руги просит, и что сбережет, то пропьет, а церковь – выставку, пробыв в ней год, покинет, жалуясь на притеснения архиерейских десятильников и недостаток земли и руги». Высшее же духовенство, достигнув разными путями своего положения, не упускало случая вознаградить себя за временное смирение и, в поисках «стяжаний всяких, стад скотских и всякие сладкие пищи», не останавливалось ни перед какими средствами. Отсюда симония, поборы и эксплуатация низшего духовенства.

Живя «в отраде и покое», высшее духовенство представляло достаточную полноту власти своим чиновникам, лишь бы только они могли обеспечить им тот образ жизни, к которому они стремились; поэтому все жалобы на насилия, чинимые этими чиновниками, что они «бесщадно и безмилостиво расхищали имущество», высшее духовенство оставляло без последствий. И нужно было совершить какое-нибудь особенно тяжкое преступление, чтобы высшее духовенство отказывалось от защиты своих верных чиновников.

Говоря о современном ему высшем духовенстве, Максим Грек дает ему уничтожающую характеристику: «Ты же, треокаянный, говорит он, обращаясь к епископу, кровей убогих бесщадно испивавши, лихвами и всяким делом не праведным и себе оттуда преобильно приготавлиаеши вся твоя угодная, егда же якоже хощеши».

Такая характеристика духовенства не должна нас удивлять. Значительная часть духовенства, отказавшись временно, «по отречении», от стяжаний после того, как достигала власти, вновь начинала «пристяживать села и стяжания различна», т.е. стремиться к увеличению своих богатств. Естественно, что в этом стремлении к округлению своих владений нельзя было быть особенно разборчивым в средствах. По образному выражению Максима Грека «плотские и духовные страсти, паки возникнувши, окаянную душу иноков

---

¹⁰⁰ Ст. гл. 5 вопр. 7.

¹⁰¹ Павлов, Секуляр. стр. 66.

начинали обступать и воевать и всяким образом уязвлять».

Духовенство, в особенности церковная аристократия, за счёт церковных доходов удовлетворяла не только свои «потребы», но и содержала значительное число родственников-паразитов и знакомых. Церковная аристократия, «подкупом достигшая своих должностей», как свидетельствует Стоглавый собор, «покоили себя в кельи с гостями; да племянников своих вмещали в монастырь, доволили всем монастырским». На этих друзей, церковных приспешников и прислужников, уходила значительная часть церковных и монастырских богатств. «Весь покой монастырский, – читаем мы в Стоглаве, – и богатство, и изобилие во властех оне (власть) истощали с роды и племянники и с боярами и с гостями и с любимыми друзи».

Многие игумены и архимандриты не принимали никаких мер к правильному ведению монастырского хозяйства, но расстраивали его вследствие полного пренебрежения интересов монастыря, заботясь лишь о своём благополучии. Даже Волоколамский монастырь, являвшийся примером староиноческой жизни, и тот подвергался общему разложению нравов. Монахи, во время игуменства там Даниила, жили «особые стяжение держаще злаго ради пристрастия и сребролюбия ради». Это дало Даниилу основание обратиться к своей братии с резкой проповедью, где он укоряет её в сребролюбии, жадности и несоблюдении монашеского устава.

В посланиях митрополита Даниила мы встречаем неоднократные указания на епископов-сребролюбцев, проявивших слишком большую «заботливость» в отношении к вверенным им средствам. Один епископ так открыто крал церковное имущество, что в результате многочисленных жалоб на него со стороны пострадавших он удостоился специальных посланий митрополита. Послания эти, адресованные епископу, «лихоимственное житие имущему», выявляют очень любопытную физиономию этого епископа, которой являлся крупным вором даже для своей эпохи, не делавшей зачастую различия между личной и государственной собственностью.

Известнейший деятель петровской эпохи, Феофан Прокопович, охарактеризовал в одном доносе следующим образом: «Во время архиерействования своего во Пскове многие святые церкви и монастыри, для богомерзкого своего лакомства, псковскому архиерейскому дому приписал, от которых вотчины и всякие доходы отнял и к оному дому присовокупил и священнослужителей отрешил... Еще ж от них церковные имения, всякую утварь и колокола, отобрав распродал и в непристойные монашеству роскоши употребил. Оным же злодеем Феофаном и в главной соборной ризнице со священных облачений крупный жемчуг обирая, который сообщником его, таковым же церковным татем, иеродиаконом Адамом, продаван и получаемые деньги на общую их, непристойную монашеству, роскошь употреблены... в Синоде епитрахиль и пелена в лице поличного имеется. По его же Феофанову велению, бывшим при нем судьей, архимандритом Маркеллом Родышевским, собранные от святых икон привески отвезены в Ригу и променены на несколько бутылок заморских нитей, а о количестве должен объявить помянутый Родышевский. В оное же свое архиерействование во Пскове, как собранному до него, так и родившемуся хлебу, чинена продажа, а деньги употреблены им на вышесказанную роскошь; а не задолгое время переведения его на новгородское архиерействование, продано им хлеба без мала на 10 тысяч рублей, и в самое короткое время деньги употреблены в помянутую роскошь. Из собранных Федосом и его сообщниками, от продажи ограбленных ими от монастырей и церквей денег, которые запечатаны были по именному указу, оный Феофан из-за печати едва что не все похитил. Также и опиской купно с оными деньгами хлеб мало что не весь растощил, и получаемые денежные и хлебные доходы в непристойные монашеству роскоши тратил весьма необычно»¹⁰².

В конечном итоге всю тяжесть церковных стяжаний приходилось переносить

---

¹⁰² Чистович Феофан Прокопович 276-277.

эксплуатируемым духовенством сельскому и городскому населению.

С проведением секуляризации церковных имений, когда духовенство было переведено на твёрдый оклад, стяжательные наклонности духовенства получили ещё большее развитие; будучи лишено права бесконтрольно распоряжаться церковной недвижимой собственностью, духовенство пыталось отыгаться на своей пастве, увеличивая свои специальные доходы.

Лишение духовенства недвижимой собственности было явлением временным. Лишив церковь значительной части её недвижимой собственности, господствующие классы вновь стали одарять церковь и её служителей за оказываемые ею услуги движимой и недвижимой собственностью, и в результате, стяжательные наклонности духовенства получили новую пищу, которой духовенство питалось вплоть до октябрьской революции.

Ростовщики от духовенства¹⁰³

Сосредоточив в своих руках значительные земельные владения, русская церковь уже очень рано выступила в качестве мощного капиталиста, оказывавшего значительное влияние на общественные отношения Древней Руси.

Широко эксплуатируя свою недвижимую собственность, русская церковь пускала в оборот свои свободные денежные средства, занимаясь, с одной стороны, торговой деятельностью, а, с другой, – выступая в качестве самого крупного ростовщика своей эпохи.

Полемическая и обличительная литература Древней Руси, а также постановления соборов, дают многочисленные свидетельства борьбы с церковным ростовщичеством, «резоиманием», которая велась, начиная с XI века. Эту борьбу с церковным ростовщичеством, объявленную с церковной кафедры и в церковной литературе, мы встречаем уже очень рано, что свидетельствует о развитии церковного ростовщичества, начиная с XI века. Борьба против церковного ростовщичества с *церковной кафедры* становится тем значительнее, что это было одной из редких возможностей проявления в Древней Руси общественного мнения.

В 1077 году, в поучении преподобного Феодосия, мы встречаем первое указание на «резоимание»¹⁰⁴. В поучении к священникам своей епархии архиепископ Илья грозит занимающимся ростовщичеством: «И кун лишу и в казнь будете от меня».

Епископ Владимирский Серапион называет ростовщичество «кровавым резоиманством» и увещает от него отказаться.

В поучениях Кирилла Туровского, митрополита Кирилла II, в «Вопрошании Кирикове», на созванном в 1274 году Владимирском соборе, мы встречаем всюду то же указание на недопустимость «резоимания» и увещание духовенству не заниматься им. Такое увещание встречается и в послании митрополита Петра «игуменам, попам, дьяконам», а особенно подробно – в поучениях митрополита Фотия.

Неоднократные указания на недопустимость церковного ростовщичества встречаются и в обличительной литературе, посвящённой борьбе за церковное землевладение. Так, Вассиан, обращаясь к стяжателям – сторонникам церковного землевладения, говорит: «Вы... все годовые излишки берете себе: или обращаете в деньги, чтобы давать в рост, или храните в кладовых, чтобы после, во время голода, продавать за дорогую цену». В том же обличительном слове Вассиан бросает резкие обвинения русским епископам, которые, по его словам, «вовсе по помышляли о благотворениях, иждивали все доходы своих кафедр на то, что умышляли себе несытно бесчисленные образы одежд и пищи и которые для умножения своих доходов занимались ростовщичеством, столь же немилостиво поступая с должниками, как и всякие другие ростовщики».

В слове Максима Грека «Об иноческом жительстве» содержатся резкие обличения против монастырских чиновников, что они «всякими неправдами и лихоимством стараются скопить себе золото и серебро, *морят крестьян своих тяжкими и непрестанными работами*, отдают свои деньги в рост бедным и своим крестьянам и когда росты умножатся, истязуют этих бедняков, отнимают у них имущество, выгоняют их с семействами из их домов и даже из селений»¹⁰⁵.

В другом месте Максим Грек говорит «о страсти иудейского сребролюбия и лихоимания», которым подвержено духовенство, в особенности монастыри.

Такое же обличение духовенства за ростовщичество встречаем мы у митрополита

---

¹⁰³ Подробнее см. об этом нашу статью в «Атеисте» за январь 1928 г. №24.

¹⁰⁴ Макарий Ист. Р.Ц. II, стр. 144.

¹⁰⁵ Макар., И.Р.Ц. VII, стр. 206.

Даниила, который, в поучении к братии Иосифа Волоколамского монастыря, пишет о монахах, что если они, «имея всего вдоволь в общей монастырской казне на всякие свои потребности, держат еще в стяжаниях, ради сребролюбия продают и покупают, берут росты на росты и за свои рукоделия копят серебро и золото, то они должны подлежать строгому ответу перед богом и не избегнут страшных мук геенских»¹⁰⁶.

Замечательно, что за ростовщичество наказание возлагается только перед богом, *о санкциях гражданского характера митрополит Даниил не упоминает*, так как борьба с церковным ростовщичеством велась только *путём увещания, но не мерами принуждения*.

Обличение ростовщической деятельности церкви встречается на всех церковных соборах.

Ростовщичеством занимались все церковные капиталисты, начиная от митрополитов, в размерах, допускаемых их экономическим положением.

Как же относилась царская власть к ростовщической деятельности церкви? До тех пор пока не развился в России торгово-промышленный капитал, царская власть не мешала церкви заниматься этой «полезной» деятельностью, и никаких постановлений, касающихся права церкви заниматься ростовщичеством, мы почти не видим.

Попытки ограничить в этом отношении права духовенства мы встречаем с того момента, когда в защиту интересов торгово-промышленного класса происходит постепенное ограничение прав церкви, в частности, права заниматься коммерческими операциями, в том числе и ростовщичеством. Первую попытку ограничить духовенство в его праве совершать ростовщические операции встречаем мы в постановлениях Стоглавого собора, который допускает производить операции по залогу недвижимой собственности лишь с царского разрешения. Постановление это, как, впрочем, и все другие постановления, пытавшиеся упорядочить церковный быт и нравы, не соблюдалось, и мы встречаем ещё в XVII веке многочисленные примеры ростовщической деятельности церкви, совершаемые ещё «без доклада царю».

В 1582 году издаётся, правда, категорическое запрещение духовенству не держать закладной, однако, и это постановление соблюдалось плохо, несмотря на имеющиеся в нём санкции. Понадобилось сто лет, чтобы соборное постановление 1551 года было приведено в известной мере в жизнь. По уложению 1649 года заложенные церковью земли должны были отпираться безденежно «на государя». И после Уложения 1649 года встречаются ещё случаи ростовщической деятельности церкви, однако, уже не в том объёме.

Если ростовщическая деятельность церкви несколько изменилась, то не потому, что изменились нравы церкви. Церковь вынуждена была сократить свою ростовщическую деятельность, так как те функции, которые раньше почти исключительно принадлежали церкви, были переданы последней, правда, без её согласия и против её воли, развившемуся торгово-промышленному классу. Впрочем, церковь продолжала свою ростовщическую деятельность, поскольку ей это удавалось.

---

¹⁰⁶ Там же. Ист. Рус. Церкви VII. 362.

Нравы духовенства в XVIII веке

Все те недостатки, которыми характеризовалось духовенство XIV-XVII веков, мы наблюдаем и у духовенства XVIII века, причем недостатки эти, в связи с некоторым повышением культуры населения, становятся ещё более заметными.

Грубость нравов среди духовенства, как свидетельствуют многочисленные расследования и дела, поражали даже самих современников. Господствующие классы, учитывая весь вред, который наносила церковная грубость их интересам, сами начали ставить вопрос о повышении квалификации духовенства, о некоторой очистке рядов его, об искоренении некоторых недостатков духовенства.

Культурный уровень духовенства оставался на той же высоте, что и в ранее рассмотренную нами эпоху: священники не только не могли «наизусть проповедовать догматы и законы св. писания», но не знали грамоты. В ряды духовенства, как и ранее, проникали, благодаря взяточничеству, люди безграмотные, подучившие наизусть несколько псалмов. Духовенство, погрязшее в пороках, занятое лишь тем, чтобы побольше извлечь доходов от своего ремесла, относилось к своим обязанностям очень небрежно. Недаром высшее духовенство именовало поведение низшей братии «бесстыдным и нахальным». «Сатанинская злоба безмерного упивания», составлявшего единственную отраду нашего духовенства во все времена, – и в XVIII веке является основным занятием духовенства.

О пьянстве среди духовенства в XVIII веке говорят, например, следующие документы. Крестовоздвиженского монастыря двух иеромонахов и иеродиакона велено за пьянство и ослушание содержать при консистории в цепях и железах¹⁰⁷.

Определением Курского Знаменского монастыря поставлено: «Иеромонаха Паисия за то, что он пьяный волочился на монастырском дворе мимо монастыря, при братии наказан плетью, дабы впредь другим монахам пьянствовать и в мирские дома, где не подлежит, ходить не повадно было; а когда монах где напился пьян, то б шел в монастырь, а за монастырем нигде бы не ночевал и не спал»¹⁰⁸.

Впрочем, не только рядовое духовенство было не на высоте, высшее духовенство также страдало теми же пороками. Оно не только ничего не делало, чтобы несколько улучшить нравы духовенства, но «и себя единого управити не могло». Характеризуя высшее церковное управление, современник находит, что здесь «во всем видится слабо и неисправно», что большие доходы «погибают по прихотям властителей», что высшее духовенство озабочено только выколачиванием денег из своих епархий, погружено в личные дела, «строит свои имения» и меньше всего думает об интересах своей епархии.

Высшее духовенство, «ревновавшее о вельми жестокой славе», требовавшее себе чести, «равной царской», нуждалось, конечно, в значительных средствах для поддержания своего дома в должном великолепии. Не удовлетворяясь теми значительными средствами, которые были в его распоряжении, высшее духовенство черпало дополнительные и значительные средства путем взяточничества, распространённого в значительных размерах в эту эпоху. Как свидетельствуют источники, «нахальная» подручная архиерейская братия отличалась у архиереев-взяточников «неистовым воровством». Священников, обращавшихся к епископскому суду, не допускали к епископу «никоторыми мерами», прежде чем они не делали должный «гостинец», причём одарять приходилось ряд лиц, сопричастных к высшему духовенству. И значительная часть этих поборов поступала высшему духовенству, позволявшему поэтому своей подручной братии грабить низшее духовенство, сколько разрешали обстоятельства.

При Петре была сделана попытка исправления духовенства, которая, однако, успеха не

---

¹⁰⁷ Розанов, пр. 250.

¹⁰⁸ Русская старина 1892 г., т. 73, Амф. Лебедев, 316.

имела. Регламентское прибавление, например, констатирует: «Достаточно наставлений преподал бог церковному клиру, но с течением времени клир настолько развратился, что св. отцы нашли нужным на разных соборах издать правила, клонящиеся к исправлению его. В нашей российской церкви многие немощи существуют».

Каковы были нравы даже высшего духовенства в XVIII веке, свидетельствует, например, манера обращения высших иерархов к царю Петру.

В 1709 году митрополит нижегородский и алатырский, смиренный Исая, обращался со следующей просьбой: «Указал бы меня великий государь, меня богомольца своего взять в Москву, также и Сильвестра, *прелюбодея* духовного, и нового *блядливого* Арксакия, что был Троицы Сергиева монастыря архимандрит, и кто надлежит с ним Сильвестром прелюбодеем и новым Арксакием блядливым, что *прелюбодействует* с моей духовной невестой нижегородской церковью противно закону нашему и нашей благочестивой греческой церкви» (так вёлся спор из-за кафедры)¹⁰⁹.

Дмитрий Ростовский в таких выражениях отзывался о духовенстве: «Попы, по вчерашнем пьянствовании не протрезвившися, не приготовившися к слушанию, дерзают литургии читати, еще людям есть на соблазн, а самим таким иереям на погибель. Другие же злонравии священники в церкви и в святом алтаре сквернословят и матерно бранящися и творят дом божий вертепом разбойников»¹¹⁰.

Регламент заставляет наблюдать в отношении духовенства: «Не бесчинствуют ли священники и дьякона и прочие церковники, не шумят ли пьяны в церквах, не сорятся ли по мужичью на обедах, не истязают ли в гостях потчивания, не храбрствуют ли в боях кулачных, и за такие вины жестоко их наказывать».

Духовный регламент, отмечая недостойное поведение духовенства, указывая на их «нестерпимое безстудие», предписывает высшему духовенству смотреть, чтобы священники вели себя, как подобает их сану, «хранили на себе благообразие», одежду имели «хоть и убогую, но чистую, и единой черной, но никакой другой окраски, не ходили бы простоволосы и не ложились бы спать по улицам, не пили бы по кабакам».

Историк петровской эпохи Посошков даёт следующую характеристику своему духовенству: «Аще будут в духовном чину люди неученые, в писании неискусные и веры христианской... основания неверующие и воли божьей не разумеющие, к тому же аще будут пьяницы и иного всякого безумия и бесчинства наполнены, то благочестивая наша вера исказится и весьма испразднится и вместо древнего единогогласного благочестия вси разыдутся в разногласные расколы и во иные еретические веры».

Развитие раскола Посошков объясняет, между прочим, также и «просвитерским пренебрежением», из-за которого «много нашего российского народа в погибельные ереси уклонилось».

И можно согласиться с Посошковым, что безнравственность духовенства, помимо прочих, чисто политических и социальных причин, сыграла известную роль в развитии раскола на Руси.

«Что привело тебя в чин священнический,— спрашивает Дмитрий Ростовский священника своего времени,— то ли, дабы спасти себя и других? Вовсе нет, а чтоб прокормить жену, детей, домашних. Спасения ради ты шел, *или ради покормки*, чем бы питать тело? *Ты искал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса!*».

Монастыри, по выражению императора Петра I, были наполнены «тунеядцами»; монахи XVIII века также в «бесстрашии пьянствовали, проводили жизнь во всяком бесчинии, своеволии, ходили по кабакам» и вообще производили «многую вражду и мятеж».

Ростовский епископ Георгий Дашков с отчаянием сообщает Петру, что в епархии

---

¹⁰⁹ Чистов. Феофан Пропопович.

¹¹⁰ Др. Рус. В. ч. XVII, 103.

«чернецы спились и заворовались». Аналогичную оценку своего монашества дают и другие епископы.

Впрочем, сам Георгий Дашков недалеко ушёл от своих подчинённых. Вот как рисуют этого вельможу в одном памятнике в бытность его ещё келарем Троицкого монастыря: «Одной прислуги было у него человек до двадцати. Вклады золотом и серебром не отдавал в казенный приказ, а заводил на них кареты, коляски, шоры, покупал лошадей, строил конюшенные дворы и держал до 150 конюхов. С вотчинных управителей, которых посылал без братского совету, брал взятки; а знатных людей, в которых заискивал, дарил деньгами и лошадьми; родственников своих которых у него было много, награждал хлебом и разными припасами; лошадьми и экипажами: племянниц посылал замуж за мирских дворян, которых посылал потом в лучшие вотчины управителями. Поездки его к братьям в Алексин и в приписные монастыри для того времени были почти баснословны. Забравши с собой множество припасов он отправлялся в путь огромнейшим поездом, брал с собой до 150 человек слуг и до 100 лошадей»¹¹¹.

Архимандрит того же Троице-Сергиева монастыря, как описывает памятник, так шествовал в баню: «Он ехал шестерней в карете, впереди его дьякон верхом, позади телега с разными припасами, пол в бане устилался благовонными травами и цветами, на каменку подавали венгерским вином и окачивался им высокопреподный»¹¹².

Богатая хроника этой эпохи сообщает о многочисленных случаях, когда монахи в погоне за наживой совершают самые недопустимые с точки зрения церковного устава проступки. Среди этих проступков ростовщичество, разграбление монастырской казны и пр. занимают не последнее место. Характерен, например, один эпизод, когда настоятель, поссорившись со своими монахами, созывает монастырских крестьян и кричит им: «Бейте монахов, они вас разорили».

Иверский архиепископ Феофилакт в 1726 г. пишет архимандриту своей епархии Иосифу Решилову: «...За вашими бездельными и излишними прихотями и расходами, святая обитель во всеконечное пришла разорение, а паче в барышничестве твоём клобуковских коренных и собственных твоих лошадей»¹¹³.

Впрочем, представление о том вреде, которое приносило духовенство, в частности, монашество, постепенно начинает проникать в сознание народа, тем более что бездарное и безграмотное духовенство, скомпрометировав себя своей безнравственностью и пьянством, не пользовалось никаким авторитетом. Любопытна оценка духовенства, сделанная митрополитом Ростовским Дмитрием: «Окаянное наше время, – писал Дмитрий, – в котором так пренебрежено сияние слова, божья! и не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает; иереи небрегут, а люди заблуждаются: иереи не учат, а люди невежествуют; иереи глупы, а люди не разумны».

При Петре I вновь были сделаны попытки подчистки духовенства, которые, однако, успеха не имели.

В отношении духовенства, в особенности в связи с произведённой попыткой секуляризации церковных земель, был проведён ряд мероприятий для упорядочения церковного общества.

Было предложено значительно сократить духовное сословие, подчинив оставшееся духовенство твёрдому режиму. Видя в монахах праздных людей, от которых идут только разные «забобоны» (болтовня), ереси и суеверия; считая, что монастырь является учреждением ненужным, очагом смут и бунтов, император Пётр I пытается ограничить

¹¹¹ Описание док. и дел. архиепископа св. Синода, кн. I, 13-24. Розанов II, прим. 751.

¹¹² Розанов II, прим. 751.

¹¹³ Чистов 462.

число монастырей, урезать их доходы, пытается приспособить монахов на какое-нибудь ремесло.

Регламент предписывает: «Весьма монахам праздным быти да недопускают настоятели; избирая всегда дело некое. А добре бы в монастырях завести художества, например, дело столярное». Указ 1724 года о звании монашеском пытается произвести коренную реформу в монастырском быту.

Смерть Петра не дала провести этот указ в жизнь, хотя основная мысль петровской реформы о бесполезности монахов, так как они «бегут от подати», чтобы даром «хлеб есть» – не забывается и в дальнейшем. И, начиная с петровского указа, следует ряд мероприятий, направленных на уменьшение числа попов и монахов, которые, по выражению регламента, «вбираются в священнический чин».

В основе всех этих мероприятий лежало желание упорядочить жизнь духовенства, подчинить его в большей степени светской власти и, с установлением твёрдых штатов, перевести духовенство на определённый бюджет.

В эпоху Екатерины II недостатки духовенства и злоупотребления, совершаемые им, нисколько не уменьшились, напротив, разложение духовенства дошло до крайних пределов и вызывало даже открытые возмущения недовольного населения.

В конце царствования Екатерины II моголиевский епископ Афанасий Вольховский едва умел читать. Он был назначен на эту кафедру, особенно важную для борьбы с католичеством, по просьбе матери канцлера графа Безбородко. Взятничество в консисториях достигало огромных размеров. Зато сельское духовенство было очень унижено. Нельзя перечислить все виды унижения, которым подвергалось низшее духовенство и от высших служителей, которые, как тобольский митрополит Павел Котоскевич, не верили в обращение земли вокруг солнца, и от местных дворян, и от администрации. «Плети, кулачная расправа и розги» были обыкновенными явлениями среди духовенства, и редкий священник не испытывал на себе этих наказаний.

Пётр Панин во время Пугачёвского бунта, в котором принимали участие сельские священники, доносил императрице: «Во всей здешней стороне, где я теперь обращаюсь, чин церковный еще погружен в самом вышнем невежестве и грубиянстве».

Со своей стороны, и господствующие классы видели в разложении духовенства серьёзную угрозу существующей системе, в которой духовенству была отведена весьма видная роль. Поэтому государство берёт на себя инициативу в проведении мероприятий по оздоровлению духовенства. Не полагаясь на церковный аппарат, не доверяя высшему духовенству, государственная власть пытается административным способом воздействовать на разложившееся духовенство, проводит ряд мероприятий по поднятию его «престижа» среди населения.

***

В нашей брошюре мы попытались, основываясь исключительно на источниках, подлинность которых не посмеет отрицать ни один церковник, дать несколько очерков о нравах духовенства, понимая под этим те бытовые особенности, которыми характеризовалось духовенство преимущественно XIV–XVII веков. Не претендуя на исчерпывающую характеристику нашего духовенства, мы остановились лишь на некоторых, очень выпуклых чертах духовенства, достаточно показательных для оценки духовенства в целом.

Задачей нашей было показать, что недостатки духовенства, которые обычно приписывают ему в последние века, относя их происхождение, так сказать, к развращающему влиянию капиталистического общества, обнаруживаются, при знакомстве с бытом духовенства, уже в первые века развития у нас православия. Поэтому возникновение и развитие их надо отнести целиком за счёт организации церковного общества как такового. Церковная организация, формируясь из лиц, не способных к общественно-полезному труду и

ведущих паразитический образ жизни, уже с самого начала своего развития выявила свою полную неспособность на руководство широкими массами населения, на что она, однако, претендовала.

Являясь прислужницей господствующих собственнических классов и проводя среди населения выгодную последним политику, церковь поддерживала свой авторитет не собственным поведением, а принуждением, насилием, как духовным, так и физическим, – для чего к её услугам был и собственный полицейский аппарат и полицейский аппарат государства, которым она и держалась.

Литература

В основу настоящей брошюры положены многочисленные исторические материалы, систематизированные в следующих собраниях:

Акты исторические (сокращенно А.И.).
Акты археографической комиссии (А.А.Э.).
Дополнения к актам истор. (Доп. А.И.).
Русская историческая библиотека, т. VI.

Кроме того, в настоящей брошюре использованы также следующие труды:

Рущинский. Религиозный быт русских у иностранцев XVI и XVII вв.
Ростиславов. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб. 1871.
Преображенский. Нравственное состояние русского общества в XVI в. по сочинениям М. Грека. М. 1881.
Иконников. Русские общественные деятели XVI в. Киевск. Унив. Извест, 1866.
Иконников. Максим Грек. Киевск. Унив. Изв.
Николаевский. Русская проповедь в XV и XVI вв. (Ж. М. Народн. Просв. 1868 г. 1 и II.
Жмакин В. Русское общество XVI в. Ст. и Новая Россия, 1880. кн. II и IV.
Жмакин В. Митрополит Даниил. 1881.
В. Малинин. Старец Елизарова монастыря Филофей, 1888, Киевск. и др.
Розанов. История Московского Синодального Управления, 1869.
П. Знаменский. Приходское духовенство со времени реформы Петра Вел. Каз. 1873 и др.